

# ЗИМНЯЯ ВОЙНА

роман



**И НА ВРАЖЬЕЙ ЗЕМЛЕ – 2**

Олег Шушаков

**Зимняя война**

«Автор»

2026

## **Шушаков О.**

Зимняя война / О. Шушаков — «Автор», 2026

...Холодная зима сорокового года. Советские войска завязли в карельских снегах на подступах к линии Маннергейма. В сорокаградусный мороз под кинжальным пулемётным огнём ДОТов – «миллионеров», преодолевая бесконечные ряды колючей проволоки и надолбов, Красная Армия прорвала вражескую оборону и взяла Выборг. Заплатив за это десятками тысяч жизней. Так было. А что было бы, если бы получившая безценный опыт прорыва самурайских укрепрайонов, уверенная в своей несокрушимости и силе, победоносная Красная Армия воспользовалась благоприятной международной обстановкой и разгромила белофиннов не в марте сорокового, а в декабре тридцать девятого? А, ведь, всё могло случиться именно так..

© Шушаков О., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

От автора	5
<b>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ</b>	<b>6</b>
1. Чужой земли мы не хотим не пяди...	7
2. Постоим за мир и за советский народ...	17
3. Бейте с неба, самолеты...	27
4. Ударной силой орудийных башен...	37
5. Готовые к бою орудия в ряд...	46
6. И с неба, и с моря, и с суши...	55
7. Для побед одной отваги мало...	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

# Олег Шушаков

## Зимняя война

### От автора

...Холодная зима сорокового года. Советские войска завязли в карельских снегах на подступах к линии Маннергейма. В сорокаградусный мороз под кинжальным пулемётным огнём ДОТов – «миллионеров», преодолевая бесконечные ряды колючей проволоки и надолбов, Красная Армия прорвала вражескую оборону и взяла Выборг. Заплатив за это десятками тысяч жизней.

Так было. А что было бы, если бы получившая безценный опыт прорыва самурайских укрепрайонов, уверенная в своей несокрушимости и силе, победоносная Красная Армия воспользовалась благоприятной международной обстановкой и разгромила белофиннов не в марте сорокового, а в декабре тридцать девятого?

А, ведь, всё могло случиться именно так...

## **ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРИНИМАЙ НАС СУОМИ-КРАСАВИЦА**

Подымайся народ, собирайся в поход,  
Барабаны сильней барабаньте!  
Музыканты, вперед! Запевалы, вперед!  
Нашу песню победную гряньте!..

На земле, в небесах, и на море  
Наш напев и могуч и суров:  
Если завтра война,  
Если завтра в поход,  
Будь сегодня к походу готов!..

В. Лебедев-Кумач

## 1. Чужой земли мы не хотим не пяди... Ленинград, 26 ноября 1939 г.

...Если хочешь что-то сделать хорошо, делай это сам!

Выполнение особо важного задания, поставленного лично наркомом, начальник Управления НКВД по Ленинградской области комиссар госбезопасности второго ранга Гоглидзе никому передоверить не мог. И взял его на себя.

Вот почему уже целую неделю, забросив многочисленные дела, он мотался вдоль советско-финской границы на замызганной полуторке. В кожаном реглане без знаков различия. Чтобы не светить своими ромбами на всю округу.

- Возле него останови! – приказал шоферу Гоглидзе и показал на маячившего у обочины пограничника с лошадьё в поводу.

Полуторка, раскачиваясь и скрипя крытым кузовом, остановилась. Вторая машина, тоже крытая, встала рядом.

Гоглидзе вышел из кабины, небрежно махнул рукой в ответ на приветствие и спросил:

- Все готово, лейтенант?

- Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга! – козырнув, ответил тот. – Все, как вы приказали. Огневая позиция подготовлена на опушке леса. Резервный погранзвод в составе десяти бойцов и младших командиров с десяти утра проводит полевые занятия в излучине реки Сестры, в трехстах метрах юго-западнее Майнилы. Ведется пулеметный и винтовочный огонь холостыми патронами. Артиллерийский налет противника обозначается взрывпакетами.

Гоглидзе постучал кулаком по борту полуторки, и из кузова молча посыпались бойцы. Не дожидаясь команды, они принялись выгружать из второй машины, разобранный восьмидесяти двух миллиметровый миномет и ящики с минами.

- Собрать и подготовить к стрельбе, - приказал Гоглидзе и повернулся к лейтенанту. - Отзовите своих людей назад на заставу!

- Есть! – козырнул тот, вскочил на лошадь и ускакал в сторону видневшейся на бугре деревни.

- Окуневич! – позвал Гоглидзе старшего группы.

- Я! – откликнулся тот и подбежал к начальнику.

- Маркировку с мин удалили? - спросил Гоглидзе.

- Так точно!

- Израсходуете один ящик. Когда будете сворачиваться, не забудьте забрать его с собой.

И чтоб никаких следов!

- Есть! - приложил ладонь к фуражке майор, и замаялся. - Разрешите вопрос, товарищ комиссар госбезопасности второго ранга?

- Ну, что у тебя еще?

- В ящиках, кроме семи осколочных мин, еще две дымовых уложены и одна агитационная. С ними как быть? Тоже израсходовать?

- Нет, эти не трогать. Сдашь обратно, когда в полк вернетесь.

- Есть!

Пока бойцы перетаскивали и устанавливали миномет на огневой позиции, Гоглидзе еще раз осмотрелся.

Участок для проведения акции был подобран довольно удачно, хотя требования, предъявляемые к нему, были очень жесткими.

Во-первых, требовалась открытая для наблюдения с сопредельной стороны местность. Чтобы финские пограничники могли зафиксировать факт обстрела советской территории. Во-

вторых, эта местность должна была обеспечить скрытность стрельбы. И, в-третьих, она должна была позволить развернуть перед обстрелом для полевых занятий подразделение из двадцати красноармейцев - будущих «жертв наглой провокации финляндской военщины».

Район Майнилы для этой провокации подходил почти идеально.

Поле, на котором проводились занятия, просматривалось сразу с нескольких сторон, так как находилось в излучине реки, широкой дугой огибающей деревню и погранзаставу, расположенную на ее северо-западной окраине. А позиция миномета располагалась на обратном скате возвышенности и для наблюдения с финской стороны была не доступна. Впрочем, как и с советской. Потому что гражданское население из Майнилы давно было выселено, а вся излучина отгорожена от берега до берега забором из колючей проволоки, проходившим по просеке двумя километрами южнее.

Развернув миномет и подготовившись к стрельбе, расчет уселся на ящики с минами и принялся за сухой паек. На часах было уже два пополудни, и животы подвело у всех. Бойцы, стоявшие в оцеплении, с завистью смотрели на товарищей, но в присутствии высокого начальства присоединиться к ним не решались.

Наконец, вдаль показался всадник. Этот был давешний лейтенант-пограничник, начальник Майнильской погранзаставы.

Подскакав, лейтенант бросил поводья, спешился и доложил:

- Товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, резервный погранвзвод в полном составе вернулся в расположение части!

- Отлично! - кивнул Гоглидзе, а потом повернулся к расчету, уже построившемуся у своего миномета, и приказал. - Огонь!..

Начальник штаба Ленинградского военного округа командарм второго ранга Мерецков, глубоко задумавшись, стоял у окна своего кабинета. Огромные, махровые, снежные хлопья медленно кружились за холодным стеклом. Осыпая крыши домов, укутывая кусты и деревья, ложась на тротуары и проезжую часть...

Кирилл Афанасьевич тяжело вздохнул.

В конце сентября его сняли с должности командующего войсками округа. Без каких-либо видимых причин. Он ожидал ареста. Но до этого, слава Богу, не дошло.

Новым командующим был назначен Герой Советского Союза командарм первого ранга Жуков, высоко взлетевший после ошеломительного успеха на Халхин-Голе и в Северо-Восточном Китае. А Мерецков остался при нем начштаба.

До этого служить вместе с Жуковым ему еще не приходилось. Бог миловал. Но о его крутом нраве и грубости Кирилл Афанасьевич был наслышан.

А теперь убедился лично...

- Что это за филькина грамота! Кто это писал?! Вы что, совсем тут все охренели?!.. – размахивая пачкой совершенно секретных машинописных листов, орал Жуков. - Молчать!!

Мерецков стоял перед ним, вытянувшись по стойке «смирно», и молчал.

- Тридцать километров в день! Зимой! По глубокому снегу! В условиях озерно-лессисто-болотистой местности! Мать-перемать!! – в бешенстве врезал кулаком по столу Жуков. - Где данные разведки? Что известно о линии Маннергейма? Как организована оборона противника? Вы что на лыжную прогулку тут собрались?!. Молчать!!

Мерецков молчал.

А что он мог ответить? Что установить такой темп наступления приказал товарищ Сталин? После того, как отверг план, предложенный начальником Генштаба Шапошниковым. Посчитав его излишне осторожным. Потому что план Шапошникова учитывал и характер местности в районе боевых действий, и наличие оборонительных сооружений, и вероятность вмешательства в конфликт третьих стран.

Или сообщить, что план, разработанный штабом округа, Сталин отверг по той же причине - из-за низких темпов наступления и длительных сроков его подготовки?

Мерецков, ясное дело, с товарищем Сталиным спорить не стал (потому что еще не сошел с ума!) и взял, что называется «под козырек».

Увеличить темпы? Есть!

Сократить сроки? Есть!

И увеличил. И сократил.

И, похоже, доувеличивался. И досокращался...

О своем назначении Жуков узнал вчера. Во время беседы со Сталиным в Кремле. И сразу вылетел в Ленинград.

Приняв дела у Мерецкова, он первым делом потребовал доложить план предстоящей операции по разгрому Финляндии, уже переработанный штабом округа. Полистал этот «документ», медленно наливаясь яростью. И взорвался.

- Кто это писал?! Соотношение сил в наступлении должно быть не меньше трех к одному! Это любой курсант знает! А тут что?! Один и три к одному!.. Отвечать!!

- По танкам тридцать к одному, товарищ командующий...

- Молчать!! При чем тут танки! Тут вам не Европа! Леса, озера и болота! Дорог раз-два и обчелся! На марше бригада растянется! И режь ее на части, где хочешь! - орал Жуков. - Кто разрабатывал этот план? Прежний начальник штаба?! Арестовать! А ты куда смотрел?! Молчать!!

Мерецков молчал. Потому что этот самый план разрабатывался под его личным руководством. Да, он выполнял указания товарища Сталина. Но ссылаться на это было категорически нельзя!

Во-первых, потому, что товарищ Сталин, несмотря на свой гигантский опыт и энциклопедические знания во всех областях народного хозяйства, все-таки кадровым военным не был. Кадровым военным был командарм второго ранга Мерецков. И по долгу службы, не говоря уже о партийном долге, обязан был указать на нереальность сталинских требований. Но сделать этого не посмел.

А во-вторых, если Жуков считает переработанный план «филькиной грамотой», значит, так считает сам товарищ Сталин, который его сюда и назначил! А это значит, что там, наверху, все опять переиграли. И начались поиски козлов отпущения.

В старинную русскую игру, кто начальник, а кто дурак, Кирилл Афанасьевич играть умел не хуже других. Иначе вовек до своих ромбов не дослужился бы. Поэтому и молчал. В тряпочку.

- Начальника оперативного отдела арестовать и под трибунал! Начальника разведотдела арестовать немедленно! Врагов пригрел!!

- Мы сейчас же устраним все ошибки, товарищ командующий Герой Советского Союза, - запинаясь, пробормотал Мерецков.

- Это не ошибки, товарищ командарм, - вдруг понизил голос до ледяного шепота Жуков. - Это сознательное вредительство, - он прищурился. - Приказываю! Арестовать! Всех причастных! И под трибунал!

- Слушаюсь, товарищ командующий Герой Советского Союза!

- Даю тебе сутки на предварительный расчет людских и материальных ресурсов, необходимых для проведения операции, - сквозь зубы процедил Жуков, а потом рывкнул. - Все!.. Кругом!.. Марш!!

Мерецков четко, по уставу, повернулся налево-кругом и строевым шагом вышел из кабинета. Который еще час назад был его собственным...

Хуже всего было то, что в глубине души он понимал, что Жуков, в общем-то, прав.

Командарм первого ранга Шапошников предложил очень хороший план. И остался при своем мнении, даже когда Сталин его раскритиковал.

Командарм второго ранга Мерецков предложил план немногим хуже. Но отстоять в Кремле свою точку зрения не смог. И даже не пытался...

Потому что Шапошникова, в отличие от Мерецкова и остальных военных, Сталин глубоко уважал и очень высоко ценил! Настолько, что даже обращался к нему не по фамилии, а по имени-отчеству. Так что такую роскошь, как собственное мнение, Борис Михайлович себе позволить мог. В отличие от остальных.

Мерецков снова вздохнул и прислонился лбом к оконному стеклу.

Штабное дело Кирилл Афанасьевич знал и любил...

До назначения на должность командующего военным округом в прошлом году, всю свою службу, девятнадцать лет из двадцати одного, он провел на штабных должностях.

Летом восемнадцатого года, под Казанью, комиссар красногвардейского отряда Мерецков был тяжело ранен. Когда заменил погибшего командира и поднял бойцов в новую атаку. А после излечения, несмотря на рапорт с просьбой отправить на фронт, был зачислен слушателем в Военную академию Генштаба.

Впрочем, повоевать ему еще довелось. Во время летних стажировок. В качестве начальника штаба кавалерийской дивизии. Сначала четвертой Петроградской Краснознаменной, а затем шестой Чонгарской Красной. В штабе Мерецков не отсиживался и еще два раза был ранен.

В феврале двадцать восьмого, в честь десятилетия РККА, за отличия в годы Гражданской войны его наградили орденом Красного Знамени.

После войны он продолжал служить в штабах. Был помначштаба стрелкового корпуса, начштаба кавдивизии, заместителем начальника, а затем начальником штаба Московского и Белорусского военных округов, начальником штаба Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии. И, наконец, заместителем начальника Генштаба. После девятимесячной спецкомандировки в Испанию.

В Испании «генерал Петрович» был советником начальника Генерального штаба республиканской армии. Оборона Мадрида, битва на Хараме, Гвадалахарское сражение, наступление на Теруэль, Уэску и Сарагосу были спланированы и проведены под его непосредственным руководством.

В конце мая тридцать седьмого года комдив Мерецков вернулся на Родину. Получил очередное воинское звание «комкор», ордена Ленина и Красного Знамени.

И жестокий шок.

В Гражданскую он сражался в рядах Первой Конной армии. И навсегда остался первокоником. Поэтому держал сторону Буденного и Ворошилова в многолетней подковерной борьбе конармейцев с представителями кавкорпуса червонного казачества. Разгром «червонцев» и арест их лидера, комкора Виталия Примакова, Кирилл Афанасьевич воспринял как победу. Потому что даже представить себе не мог, что за этим последует.

А последовало много чего...

Примаков дал исчерпывающие показания. И начались аресты высшего состава.

Масла в огонь подлил меморандум президента Чехословацкой республики Бенеша, вскрывший разветвленный военно-фашистский заговор в Красной Армии.

Начальник Политуправления РККА Гамарник застрелился. Были арестованы маршал Тухачевский, командармы первого ранга Уборевич и Якир. И многие другие. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило всех подсудимых к расстрелу. Их близкие родственники, включая родителей, братьев и сестер были репрессированы, жены и совершеннолетние дети расстреляны, а несовершеннолетние сданы в детдом. Как члены семьи изменника Родины.

Расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны, состоявшееся сразу же после суда над Тухачевским и его подельниками, произвело на Мерецкова очень тягостное впечатление. Выступающие клялись в верности партии и яростно обвиняли своих расстрелянных сослуживцев во всех смертных грехах. Однако это никому не помогло. И за два минувших года большая часть присутствовавших на том заседании командиров и комиссаров сами были арестованы. И осуждены.

Кирилл Афанасьевич хорошо знал и поддерживал деловые и дружеские связи с большинством из них. Не говоря уже о многолетней службе под командованием ныне разоблаченных врагов народа Уборевича и Блюхера.

До сих пор принадлежность к первоконникам и давнее знакомство с Буденным, Ворошиловым и Сталиным спасало его от ареста. Однако никаких иллюзий по этому поводу Мерецков не питал. Понимая, что за ним могут прийти в любой момент.

Жить под дамокловым мечом было очень тяжело. Но страшила его не собственная гибель. Пули Кирилл Афанасьевич не боялся. Три войны прошел как-никак. Его мучили мысли о судьбе жены и сына.

Если его расстреляют, Дусю тоже не пожалуют. А Володьку отправят в детдом. В лучшем случае. Потому что ему уже пятнадцать.

Лучше не думать об этом!

Усилием воли командарм выбросил из головы тяжкие мысли и вернулся к столу...

План наступательной операции, само собой, был переделан. В кратчайший срок. Генштабистами, прибывшими из Москвы для пополнения разгромленного Жуковым оперативного отдела штаба округа.

Обескровленный арестами разведотдел также был срочно укреплен опытными работниками пятого (разведывательного) управления Генштаба и резко активизировал деятельность по сбору данных о вооруженных силах Финляндии и фортификационных сооружениях на Карельском перешейке.

Были задействованы в полном объеме и агентурная, и войсковая разведка.

Самолеты-разведчики, не взирая на протесты финской стороны, провели тщательную аэрофотосъемку долговременных укреплений в полосе предстоящего наступления от Финского залива до Ладожского озера.

От Териоки до Виипури. От Виипури до Тайпале.

Кроме этого, по просьбе Жукова, к сбору разведывательной информации была подключена резидентура разведупра не только в Скандинавии, но и по всей Европе. А также резиденты иностранного отдела НКВД, агентура Коминтерна и наркоминдела. И даже советская внешнеторговая компания «Амторг Трейдинг Корпорейшн». Времени у них было немного. Но приложенные усилия принесли свои плоды, а жертвы, неизбежные в ходе такого аврала, были оправданными...

А ведь, Жуков был прав, снова подумал Мерецков. Предыдущий план операции действительно никуда не годился.

Разве что на случай всеобщего восстания финского рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством против собственных буржуев, горько усмехнулся он. Хотя на это, судя по справке, предоставленной Коминтерном, надежд было маловато.

Финский рабочий класс и трудовое крестьянство, поддавшись националистической пропаганде и позабыв о классовой солидарности, полностью перешли на сторону капиталистов и поголовно вступили в «Шюцкор» и «Лотту Свярд». Поэтому о триумфальном шествии под красным знаменем, как это было полтора месяца назад во время освободительного похода в Польшу, пришлось забыть.

Финны воевать умеют. Еще в Гражданскую это доказали.

В начале октября в Финляндии прошли внеочередные осенние маневры. Фактически это была скрытая мобилизация. За две недели вооруженные силы увеличились более чем на двести пятьдесят тысяч человек. В сжатые сроки по всей стране были созданы многочисленные учебные центры по переподготовке запасников.

В мирное время сухопутные войска Финляндской республики состояли из трех пехотных дивизий (три пехотных и один легкий артиллерийский полк в каждой), отдельного пехотного полка, кавбригады, трех авиаполков (бомбардировочного, смешанного и истребительного), одного тяжелого арtpолка и двух зенитных. Кроме того, имелся батальон связи, саперный и бронетанковый батальоны, а также несколько отдельных самокатных егерских батальонов. Всего около тридцати пяти тысяч солдат и две с половиной тысячи офицеров.

После проведения мобилизации и развертывания в сухопутных войсках насчитывалось уже три корпуса (по три пехотных дивизии в каждом), четыре пехотных и одна кавалерийская бригада, более десяти полевых и тяжелых артдивизионов. А также тридцать пять отдельных егерских подвижных батальонов и батальонов Береговой обороны, более двадцати отдельных пехотных, пограничных, егерских подвижных рот, более тридцати отдельных саперных рот и двадцати отдельных рот связи. Кроме того, в тылу формировались еще три резервные пехотные дивизии. Всего около трехсот тысяч человек, тридцать легких танков, тысяча орудий, триста пятьдесят минометов, четыре тысячи ручных и две с половиной тысячи станковых пулеметов.

Мало того, вся эта силища вдобавок к этому еще и зарылась в землю, укрывшись за бетонными стенами и бронеколпаками ДОТов линии Маннергейма...

Мерецков сел за стол, тяжело оперся локтями на карту Карельского перешейка с нанесенными на нее последними разведанными и сжал виски руками.

Теперь он понимал, почему правительство Финляндии так упорно не соглашалось отодвинуть границу от Ленинграда. Хотя Советский Союз и предлагал в качестве компенсации вдвое большую территорию на другом участке.

А дело было в том, что новая граница должна была пройти севернее укрепрайона, на строительство которого финны потратили двадцать лет и полмиллиарда марок. Причем и деньги, и время были потрачены не зря. Потому что линия Маннергейма, как оказалось, ни в чем не уступала линии Мажино.

Оперативная зона заграждений. Главная оборонительная полоса. Отсечные позиции. Полоса тактических резервов. Выборгская тыловая позиция из трех линий. Опорные пункты и узлы сопротивления с тщательно продуманной системой флангового, косоприцельного и фронтального огня. Развитая сеть противопехотных и противотанковых препятствий по переднему краю и в глубине, с огневым обеспечением подступов. Десятки много-амбразурных долговременных огневых точек. Сотни замаскированных дерево-земляных огневых точек и убежищ, стрелковых и пулеметных ячеек. Десятки километров окопов, лесных завалов, многорядных проволочных заграждений, минных полей, надолбов, рвов и эскарпов.

И все это применительно к местности - господствующим высотам, глубоким лощинам, обширным лесным массивам, бесчисленным незамерзающим болотам, речкам и озерам. Плюс шестидесяти километровый Саймаанский канал - водоподпорная плотина и двенадцать заминированных, готовых к подрыву, шлюзов с общей разницей уровня воды более семидесяти пяти метров.

Когда были дешифрованы аэрофотоснимки и стали поступать донесения разведотдела штаба округа, доклады, сводки и разведывательные спецсообщения пятого управления Генштаба и ИНО НКВД, Мерецков схватился за голову.

Потому что, вне сомнений, это была лишь надводная часть айсберга.

Но и того, что было уже вскрыто, с лихвой хватило бы для приговора. Если бы наступление проводилось в расчете на триумфальное шествие. Потому что тогда, умывшись кровью, войска округа полегли бы еще в предполье...

Первого ноября Мерецков доложил членам военного совета о последних коррективах, внесенных в план предстоящей операции в связи с поступившей разведывательной информацией. А пару дней спустя их вызвали в Москву. Для доклада по этому же вопросу членам Политбюро и руководству наркомата обороны.

Докладывал командарм первого ранга Жуков.

Взяв указку, он подошел к крупномасштабной карте Северной Европы, висевшей на стене сталинского кабинета:

- Учитывая значительную протяженность советско-финской границы, а также большую разницу географических и климатических условий Карельского и Северного театров военных действий, считаю целесообразным, - решительно начал он, - сформировать Командование Северо-Западным направлением и три фронтовых объединения: Ленинградский, Карельский и Северный фронты. Ленинградский фронт – на Карельском перешейке, от Финского залива до Ладожского озера, - провел указкой по карте Жуков. - Карельский фронт - от Ладожского озера до Костамукши. Северный фронт - от Костамукши до Баренцева моря.

Командование Северо-Западным направлением предлагаю сформировать на базе штаба Ленинградского военного округа, - повернулся он к Сталину, мерно расхаживающему по ковровой дорожке с трубкой в руках. - А управления фронтов - на базе высвободившихся после окончания боевых действий в Китае фронтовых управлений: Приморского, Дальневосточного и Забайкальского. По согласованию с Генштабом и Ставкой Главного командования Красной Армии на Дальнем Востоке в округ уже переброшен ряд соединений, получивших ценный боевой опыт по прорыву долговременных оборонительных сооружений.

Главный удар предлагаю нанести в полосе Ленинградского фронта в направлении на Виипури, - махнул указкой Жуков. - И далее вдоль побережья Финского залива на Котку и Хельсинки силами Первой Отдельной Краснознаменной армии в составе девяти стрелковых дивизий, одной тяжелой танковой бригады, двух легкотанковых и одной стрелково-пулеметной бригады - в первом эшелоне, и Тринадцатой армии в составе трех стрелковых и двух мотострелковых дивизий, шести воздушно-десантных бригад, двух легкотанковых, стрелково-пулеметной и мотоброневой бригады при поддержке Первой и Третьей Отдельных авиационных армий Резерва Главного Командования и Краснознаменного Балтийского флота - во втором. Седьмая армия в составе шести стрелковых дивизий и одной легкотанковой бригады при поддержке Ладожской военной флотилии, - указка Жукова переместилась правее. - Нанесет вспомогательный удар в направлении на Кексгольм.

Войска Карельского фронта наносят два удара. Первый - силами Девятой армии в составе четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий в направлении на Каяани и далее на Оулу. И второй - силами Восьмой армии в составе шести стрелковых дивизий и легкотанковой бригады при поддержке Ладожской военной флотилии вдоль побережья Ладожского озера на Сортавала.

Войска Северного фронта также наносят два удара. Первый - силами Третьей Отдельной Краснознаменной армии в составе трех стрелковых, двух мотострелковых и двух кавалерийских дивизий, двух легкотанковых, стрелково-пулеметной и мотоброневой бригады в направлении на Кемиярви, Рованиemi, Кеми и далее на Оулу, с целью перерезать железную дорогу Тампере - Кеми и прекратить военные поставки в Финляндию из Швеции и Норвегии. А второй - силами Четырнадцатой армии в составе трех стрелковых и одной горно-стрелковой дивизии, а также мотоброневой бригады при поддержке Северного флота на Петсамо и в направлении на Ивало и далее на Соданкюля, - Жуков опустил указку и снова повернулся к Сталину.

- В настоящее время, - продолжил он. - в округе сформировано пять армейских управлений (Седьмая, Восьмая, Девятая, Тринадцатая и Четырнадцатая армии) и двадцать корпусных (одиннадцать стрелковых, два мотострелковых, два кавалерийских, два воздушно-десантных

и три танковых корпуса). Кроме этого, с Дальнего Востока переброшены еще два армейских управления (Первая и Третья Отдельные Краснознаменные армии).

По состоянию на первое ноября на финской границе нами сосредоточено тридцать четыре стрелковых, четыре мотострелковые, одна горно-стрелковая и четыре кавалерийских дивизии. Одна тяжелая и семь легкотанковых бригад, три мотоброневых и три стрелково-пулеметных бригады. Двадцать девять корпусных артполков (в том числе четыре тяжелых, семь гаубичных и два крупнокалиберных гаубичных артполка), одиннадцать артполков Резерва Главного Командования (в том числе девять большой мощности). Семнадцать авиабригад (в том числе две бомбардировочных, шесть скоростных бомбардировочных, две легких бомбардировочных, три смешанных и четыре истребительных) и шесть воздушно-десантных бригад. А также две отдельные авиационные армии Резерва Главного Командования.

В составе Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской военной флотилии и Северного флота насчитывается... - Жуков не удержался и заглянул в папку.

Сталин молча усмехнулся в усы.

- Насчитывается, - как ни в чем, ни бывало, продолжил доклад Жуков. - Сто одиннадцать боевых кораблей (в том числе два линкора, один крейсер, два лидера эскадренных миноносцев, восемнадцать эскадренных миноносцев, тридцать два сторожевых корабля и сорок шесть тральщиков), сто двадцать катеров и шестьдесят пять подводных лодок. А также четыреста шестьдесят пять самолетов. В стационарных, железнодорожных и зенитных батареях Береговой обороны имеется более двухсот сорока артиллерийских орудий.

Общая численность войск составляет более девятисот тысяч человек, три с половиной тысячи танков, десять тысяч орудий, пять тысяч минометов и две тысячи двести самолетов. Таким образом, созданная нами группировка превосходит противника по живой силе - в три раза, по орудиям - в десять, по минометам - в пятнадцать, по самолетам - в двадцать, а по танкам - в сто раз!

На проведение операции по нашим расчетам потребуется четыре недели. Все мероприятия по подготовке наступления, включая переброску с Дальнего Востока дополнительных частей и соединений, будут завершены к концу ноября. В случае принятия решения о назначении начала операции на первое декабря, боевые действия можно будет завершить еще до Нового Года.

У меня все, товарищ Сталин.

- Ну, что же, - немного помолчав, сказал тот. - Это хорошо, что у нас имеется такое солидное преимущество в живой силе и технике. Я думаю, надо утвердить план боевых действий, предложенный Ленинградским округом. Садитесь, товарищ Жуков.

Сталин медленно прошелся вдоль стола. Вернулся назад. Постоял, раскуривая потухшую трубку... В кабинете стояла плотная тишина. Только паркет еле слышно поскрипывал под сапогами вождя.

Куранты на Спасской башне за окном гулко проббили полночь.

- Командующим Северо-Западным направлением, - заговорил, наконец, Сталин. - Политбюро предлагает назначить, товарища Тимошенко. Который хорошо зарекомендовал себя на посту Главнокомандующего на Дальнем Востоке, - Тимошенко поднялся и замер по стойке «смирно», - Садитесь, товарищ Тимошенко, - махнул трубкой Сталин. - А его заместителем назначить товарища Апанасенко. Они с Тимошенко хорошо сработались. Садитесь, товарищ Апанасенко, - сказал он поднявшемуся командарму. - Командующими фронтами Политбюро предлагает назначить товарищей Жукова, Яковлева и Конева, - все трое встали. - Садитесь, товарищи, - кивнул Сталин и опять принялся расхаживать взад-вперед.

- Переговоры с финской делегацией зашли в тупик, - продолжил он, немного погодя. - Финское руководство, видимо, не понимает всей серьезности ситуации. Оно, видимо, считает свой укрепленный район на Карельском перешейке неприступным, - он подошел к карте и всмотрелся.

- Линия Маннергейма, действительно, сильно укреплена. Кое-кто даже считает, - повернулся он к присутствующим. - Что она лучше укреплена, чем французская линия Мажино и германская линия Зигфрида.

Мерецков сделал непроницаемое лицо. Он никому не высказывал своего мнения! Откуда Сталин мог узнать?!

- И они правы, - покачал головой Сталин. - В настоящий момент линия Маннергейма, действительно, самая укрепленная оборонительная полоса в мире... С тех самых пор, как Красная Армия взяла штурмом укрепрайоны, возведенные японскими милитаристами на наших дальневосточных границах. Японские милитаристы тоже думали, что их укрепрайоны неприступны, - усмехнулся он. - Но Красная Армия доказала всему миру, что неприступных укрепрайонов не бывает.

Присутствующие, словно очнувшись, зашевелились и одобрительно зашумели. Кто-то даже хохотнул, потешаясь над самонадеянными самураями. И финнами.

Сталин подождал, пока шум немного уляжется, и продолжил:

- Полагаю, что дата, предложенная товарищем Жуковым, вполне подходит для начала наступательной операции, - он посмотрел на Молотова. - Что вы на это скажете, товарищ Молотов? Сможет ли наркомат иностранных дел растянуть переговоры с представителями Финляндской республики еще на четыре недели? До первого декабря?

- Сможем, товарищ Сталин, - ответил тот. - Лишь бы финны не сдались раньше времени и не согласились на наши требования.

- А вы постарайтесь сделать так, чтобы они не согласились. Вернитесь к обсуждению статуса Аландских островов. Потребуйте уступки Петсамо. Поднимите вопрос об аренде аэродромов и якорных стоянок, как мы это сделали в Прибалтике.

- Мы сегодня же подготовим новые предложения и немедленно доведем их до финской стороны, - сказал Молотов.

- Это хорошо. Однако существует еще одна серьезная внешнеполитическая проблема, которая требует решения, - Сталин прошелся по кабинету и остановился напротив наркома внутренних дел Берия. - Финляндия еще в тридцать пятом году провозгласила нейтралитет. И до сих пор неуклонно его придерживается. Советский Союз борется за мир. Мы не можем начать наступательную операцию против нейтральной страны, - прищурился вождь. - Поэтому Политбюро считает, что финны должны первыми совершить акт неспровоцированной агрессии по отношению к Советскому Союзу. Чтобы Лига Наций убедилась в их двуличии. Товарищ Берия, доложите Политбюро свои соображения по этому вопросу.

- Финская белогвардейщина сосредоточила огромные силы в непосредственной близости к Ленинграду, товарищ Сталин, - поднялся тот. - Ситуация накаляется с каждым днем. Командование Белоостровского погранотряда каждый день докладывает о непрекращающихся провокационных выходках финнов.

- Для того чтобы Лига Наций признала Финляндию агрессором, одних выходок недостаточно, товарищ Берия. Нужен акт явной агрессии. Например, артиллерийский или минометный обстрел мирных советских населенных пунктов с финской территории, повлекший за собой жертвы среди гражданского населения или военных.

- Я понял, товарищ Сталин, - сказал Берия. - Артиллерийские и минометные батареи финнов расположены всего в нескольких километрах от границы. Поэтому не будет ничего удивительного, если они внезапно обстреляют одну из наших погранзастав в районе Белоострова или Майнилы.

- Передайте пограничникам, чтобы они ни в коем случае не поддавались ни на какие провокации до конца ноября... - Сталин на секунду задумался. - Скажем, до двадцать седьмого ноября... Или двадцать шестого.

- Слушаюсь, товарищ Сталин, - кивнул Берия.

Это совещание в Кремле состоялось третьего...

Взгляд Мерецкова упал на перекидной календарь. На календаре было двадцать шестое ноября одна тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Громкий дребезг телефонного звонка вывел его из задумчивости. Надрывался один из прямых телефонов.

Мерецков снял трубку. Звонил член военного совета округа, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), секретарь ЦК и член Политбюро Жданов:

- Здравствуйте, товарищ Мерецков!

- Здравия желаю, товарищ Жданов!

- Час назад северо-западнее Майнилы, одна из наших погранзастав была внезапно обстреляна с финской территории артиллерийским огнем! - Жданов не мог скрыть своего возмущения наглой провокацией финляндской военщины. - Было произведено семь выстрелов! Убито четыре пограничника, ранено девять! Наркоминдел уже направил финскому правительству ноту протеста с требованием незамедлительно отвести свои войска на двадцать пять километров от границы на Карельском перешейке, чтобы исключить возможность новых провокаций.

- А командующий округом в курсе? – спросил Мерецков.

- Да. Я только что с ним разговаривал. Военный совет принял решение о приведении в боевую готовность всех частей и соединений округа. Подготовьте соответствующий приказ и, как только он будет подписан, немедленно доведите до всех командиров и комиссаров!

- Слушаюсь, товарищ член военного совета!

## 2. Постоим за мир и за советский народ... Ленинградский фронт, конец ноября 1939 г.

...Весь ноябрь стояла нелетная погода - низкая облачность, в течение дня осадки в виде дождя и мокрого снега, видимость до ста метров.

А тридцатого числа выдался на редкость ясный день. Как по заказу.

Рано утром на всех аэродромах Ленинградского и Московского военных округов заревели авиационные двигатели. И вскоре в небо один за другим стали взмывать истребители и подниматься скоростные, дальние и тяжелые бомбардировщики. Построившись на кругу, клинья краснозвездных эскадрилий собрались в полки и неспешно двинулись в сторону Карельского перешейка...

К этому времени СССР и Финляндская республика окончательно разошлись во мнениях относительно Майнильского инцидента. В ответной ноте финны настаивали на своей невинности, беззастенчиво утверждая, что выстрелы были произведены с советской пограничной полосы. Основываясь на явно подтасованных материалах собственного расследования, правительство Финляндии отклонило протест Советского Союза и его справедливое требование об отводе финских войск от границы. Вместо этого оно порекомендовало провести совместное расследование в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах и высказало встречное, беспрецедентное по наглости, предложение об отводе войск обеими сторонами.

В новой ноте, опубликованной в газете «Правда» двадцать восьмого ноября, правительство СССР указало на то, что обоюдный отвод войск является совершенно неприемлемым, поскольку советские воинские части отойдут к предместьям Ленинграда, в то время как крупным центрам Финляндии ничего не будет угрожать. Финское предложение расценивалось советской стороной как издевательское и глубоко враждебное, призванное довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами. В связи с чем, Советский Союз заявил о том, что считает себя свободным от всех обязательств, вытекающих из пакта о ненападении.

Двадцать девятого ноября замнаркома иностранных дел Потемкин вручил финскому посланнику очередную (и последнюю!) ноту, в которой говорилось, что ввиду сложившегося положения, ответственность за которое полностью ложится на правительство Финляндской республики, «правительство СССР не может больше поддерживать нормальных отношений с Финляндией, и вынуждено отозвать из Финляндии советских политических и хозяйственных представителей».

Это означало окончательный разрыв дипломатических отношений.

Финский посланник Ирне-Коскинен попытался, было, передать Потемкину ответ на предыдущую ноту, в котором содержалось согласие Финляндии на отвод своих войск с Карельского перешейка. Но замнаркома отказался принять этот документ, заявив, что последняя нота правительства СССР исчерпывает все вопросы, которые стояли между советским правительством и нынешним правительством Финляндии. После чего сообщил господину посланнику, что не смеет больше его задерживать.

В конце концов, финская нота все-таки была отослана в наркомат иностранных дел. Однако на последующие события это не оказало никакого влияния.

В двадцать три часа в части и соединения, сосредоточенные на советско-финской границе, поступил приказ о наступлении, которое было назначено на восемь утра. А ровно в полночь с сообщением о возмутительных провокациях финляндской военщины по радио выступил председатель Совета Народных Комиссаров Молотов:

- Единственной целью наших м-мероприятий, - слегка заикаясь, сказал он. – Является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда, с его трех с половиной миллионным населением. В современной, накаленной международной обстановке решение

этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финских правителей!..

В заключение Молотов заявил, что правительство Советского Союза дало распоряжение Красной Армии решительно пресекать все вылазки врага.

Митинги на заводах и фабриках, колхозах и совхозах по всей стране начались в три часа ночи. Впрочем, в Уэлене и Ванкареме уже пробило полдень, а в Норильске и Новосибирске - семь утра.

- Не просунуть финским свиньям свое рыло в советский огород! На удар провокаторов войны ответим тройным ударом! Горе тем, кто встанет на нашем пути! – гневно заявляли с трибуны рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, инженеры, врачи и учителя. Коммунисты, комсомольцы и беспартийные большевики.

Сразу после побудки во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, кораблях, складах, штабах, управлениях и учреждениях от Кронштадта до Мурманска, был зачитан приказ командующего Северо-Западным направлением командарма первого ранга Тимошенко и члена военного совета Жданова: «Товарищи, красноармейцы, командиры, комиссары и политработники! Терпению советского народа и Красной Армии пришел конец. Пора проучить зарвавшихся и обнаглевших политических картежников, бросивших наглый вызов советскому народу, и в корне уничтожить очаги антисоветских провокаций и угроз Ленинграду! Выполняя священную волю Советского Правительства и нашего Великого Народа, приказываю! Войскам Ленинградского, Карельского и Северного фронтов перейти границу, разгромить финские войска и раз и навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ и города Ленина - колыбели пролетарской революции!»

В восемь ноль-ноль по всей советско-финской границе загрохотали орудийные залпы. А с неба посыпались фугасные авиабомбы. Мощный огневой вал покотился по карельской земле, открывая путь пехоте и танкам сквозь минные поля, надолбы и бесконечные ряды колючей проволоки.

Потому что дипломаты договориться не сумели. И тогда заговорили пушки.

Началось...

За Китай Коневу дали орден Красного Знамени.

И это было очень обидно! Потому что и Тимошенко, и Жуков, и Штерн (и даже Яковлев!) получили ордена Ленина, а Юмашеву так, вообще, присвоили звание Героя!

Оно, конечно, понятно. Тимошенко - Главком. А это святое! Юмашев все японские линкоры перетопил. Яковлев взял Бэйпин, Штерн - Харбин, а Жуков - Порт-Артур.

А он взял Муданьзвянь...

Конев поморщился. Хорошо, хоть Красное Знамя дали, а не Красную Звезду! Или медаль «За боевые заслуги».

За взятие Муданьзвяня...

И за то, что почти две недели провозился с самурайскими укрепрайонами. Вместо того чтобы вскрыть их за несколько суток (и положить при этом половину бойцов!).

Ну и ладно! Зато он, в отличие от некоторых, на самом деле разгромил врага, как в песне поется - малой кровью, могучим ударом!

В качестве некоторой компенсации ему досрочно присвоили очередное воинское звание. Что, впрочем, не очень утешало. Потому что это же звание дали Штерну. И Жукову. Который еще в июле был комдивом. А потом за три месяца допрыгал до командарма первого ранга. И весь обвешался орденами. Как новогодняя елка.

И стал о себе чрезвычайно высокого мнения.

Ничего! Товарищ Сталин лихо его на место поставил! Все слышали, как Жуков зубами скрипел. На совещании в начале ноября. Когда Командующим направлением назначили не его,

а Тимошенко. Только дурак не догадался бы, на что Жуков намекал в своем докладе, предлагая сформировать Северо-Западное направление на базе ЛенВО. Которым сам и командовал!

А товарищ Сталин, раз, и Тимошенко назначил! А замом к нему – Апанасенко! А Жукова – в Мурманск! На Северный Ледовитый! Чтобы чуть-чуть поостыл!

Нет, есть все-таки справедливость на свете!

Поэтому брать линию Маннергейма будет он – командарм первого ранга Конев! Потому что знает, как это сделать. И сделает в наилучшем виде! А потом возьмет Виипури. И Котку! И Хельсинки!! Потому что Жукову до Хельсинки, с севера на юг, тысячу триста километров пилить. С боями. А ему только двести пятьдесят!

Хотя, зная Жукова, можно ожидать, что он рванет на юг изо всех сил. А силы у него немалые - около восьмисот танков и две сотни броневиков! Поэтому он вполне может прорваться и взять Хельсинки раньше него, Конева. Пока он, Конев, будет финские УРы прогрызать. И опять получится как в Маньчжурии.

Ну, уж нет!

Штерн взял Харбин одной воздушно-десантной бригадой. При поддержке двух речных мониторов. А у него – целых шесть таких бригад! И КБФ в придачу.

Как только Попов прорвется к Виипури и выйдет на оперативный простор, надо будет сразу бросить парашютистов на Хельсинки. И морскую пехоту. При поддержке Краснознаменного Балтийского флота. А перед этим уничтожить финские броненосцы. Чтобы не сорвали десант. И подавить береговые батареи на островах вокруг Хельсинки. Чем Трибуц и займется в первую очередь! И Рычагов, и Тхор с Польшинным. Когда с линией Маннергейма закончат.

В соответствии с планом операции на преодоление предполья и выход к главной оборонительной полосе линии Маннергейма отводилось два дня. Затем следовала трехдневная оперативная пауза, предназначенная для перегруппировки войск и подготовки к прорыву. Разведка боем, вскрытие системы огня противника и уточнение расположения вражеских ДОТов и ДЗОТов. Для их последующего уничтожения. На третьем этапе операции планировался прорыв главной полосы обороны (семь – восемь дней), полосы тактических резервов и тыловой позиции (три – четыре дня). На пятнадцатый день операции, после выхода Первой Отдельной Краснознаменной армии к Койвисто, Хонканиemi и Vuosalmi, намечалась переброска нескольких стрелковых дивизий по льду Выборгского залива в обход Виипури с целью его полного окружения.

Итого, на все про все, две – две с половиной недели.

А вот, уже после этого можно и парашютистов на Хельсинки кинуть! И морячков!

Жуков наизнанку вывернется, но добраться за это время до финской столицы не успеет. Тут тебе не Гоби! Не пустыня, одним словом! По сто километров в день не получится! Укрепрайонов у финнов вдоль побережья Ботнического залива, правда, нет. Зато водных преград более чем достаточно. И рек, и озер. Так что придется повозиться!

Поэтому не видать Жукову Хельсинки, как своих ушей!

Впрочем, Жуковский рывок ему, Коневу, очень даже на руку. Потому что все внимание на себя оттянет. Когда Жуков поперет на юг, финны так обделаются, что тут же все, что можно, на север перебросят!

А пока, суть да дело, Попов возьмет Виипури. И откроет дорогу Рябышеву. Задача которому уже поставлена. Ввести в прорыв десятый стрелковый, пятьдесят шестой мотострелковый и десятый танковый корпуса и на четвертый день наступления взять Котку, на шестой - Лахти и Порвоо, а на седьмой - Хювянкяя и Хямеэнлинна. После чего, если Жуков еще не подтянется, развивать наступление на Тампере, Пори и Турку.

Что, впрочем, может уже не понадобится. Потому что любая нормальная страна, потеряв столицу и большую часть своей территории, должна сдаться и подписать полную и безоговорочную капитуляцию.

Хотя, если он правильно понял, будет подписана не капитуляция, а договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Демократической Финляндской Республикой (с протоколом о взаимной безопасности). Даром что ли в полосе его фронта развернута Финская Народная Армия! Под командованием комдива Акселя Моисеевича Антилы, по совместительству министра обороны ДФР.

Но это потом. Для начала надо прогрызть линию Маннергейма.

Месяц, который у него был на подготовку к прорыву, Иван Степанович потратил не зря. И успел сформировать девять отдельных инженерных батальонов особого назначения (ОтИБОН). По одному в каждой стрелковой дивизии первого эшелона.

В состав ОтИБОНа - Конев усмехнулся, представив, как переименуют это название бойцы (хотя в сущности его и переименовывать было не надо, итак годилось!) - входила отдельная саперная рота (три взвода - группы подрыва ДОТ), отдельная разведрота (три взвода - группы подрыва ДЗОТ) и три мотострелковых роты.

В качестве усиления каждому ОтИБОНу придавались: отдельная танковая рота (десять средних танков Т-28), отдельная огнеметная рота (десять химических танков ОТ-130), отдельный гаубичный артиллерийский дивизион РКК (четыре восьмидюймовых гаубицы Б-4) и отдельная крупнокалиберная батарея особой мощности Резерва Главного Командования (две одиннадцатидюймовых мортиры БР-5 или две двенадцатидюймовых гаубицы БР-18).

Учитывая данные разведки, указывающие на большую глубину противопехотных и противотанковых заграждений (до сорока пяти линий колючей проволоки и надолбов на особо важных направлениях!), прикрытых плотным пулеметным огнем, основной проблемой при прорыве финской обороны являлось обеспечение подхода саперов вплотную к вражеским долговременным огневым точкам.

Пришлось поднапрячь светлые головы инженеров и техников Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА во главе с главным диверсантом Советского Союза полковником Стариновым.

И решение было найдено. Простое и технологичное.

Для быстрой и безопасной транспортировки подрывников и взрывчатки под огнем противника по льду и снежной целине было предложено использовать бронесани, прицепленные к танкам.

Опытный образец бронесаней был изготовлен в течение суток и немедленно испытан на полигоне. В очередной раз, подтвердив, что все гениальное - просто!

Двигаясь вслед за танком, бронесани легко преодолевали глубокий снег, надолбы, и заграждения из колючей проволоки, отлично защищали от осколков и пулеметного огня, и даже выдерживали подрыв на противопехотной мине!

Но это было еще не все! Те же светлые головы и золотые руки, в тех же мастерских, за те же сутки изготовили и предъявили командованию еще одно оч-чень полезное изобретение – БТП. Бронированный транспорт пехоты. На базе танка БТ-5. У которого сняли башню, а потом приварили борта из противопульной брони с бойницами для стрельбы из личного оружия. И шкворнем для пулемета в передней части корпуса.

Идея Коневу понравилась. И ее инженерное воплощение тоже. Он вообще был неравнодушен к бронированным средствам передвижения. Еще с Гражданской, когда был военкомом бронепоезда.

А еще, очень остро ощущал незащищенность своих бойцов под шквальным огнем на поле боя, не раз наблюдая с НП, как ряды красноармейцев ложатся под пулями. Чтобы больше никогда не подняться...

Дело было за малым. Изготовить нужное количество этих БТП. И бронесаней.

Выручил член военного совета фронта Кузнецов.

Несмотря на молодость, а было ему всего тридцать четыре, Алексей Александрович являлся правой рукой товарища Жданова, был членом ЦК и вторым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии. Его кипучей энергии и умению находить с людьми общий язык, можно было только позавидовать.

Он и договорился с руководством Кировского завода о выполнении срочного заказа для нужд округа. Так что все ОтиБОНы не только получили новую матчасть, но и потренировать личный состав успели на полигоне.

Вообще говоря, Коневу очень повезло с членом военного совета. В отличие от Жукова, которому достался Мехлис.

Конев содрогнулся и мысленно перекрестился.

Он и сам был крут. И мог без долгих предисловий обложить по-старославянски кого угодно. Для пользы дела. И даже отдать под трибунал. При необходимости.

Но товарищ Мехлис – это был особый случай. Возглавив в тридцать седьмом году Главное политическое управление РККА, он возглавил и борьбу с заговорщиками, шпионами и контрреволюционерами. И принялся шельмовать высший командный и политический состав, пачками сдавая командиров и комиссаров ведомству Ежова. А в отношении низшего звена принимал решения собственной властью.

Ежова уже расстреляли, а Мехлис не только удержался на плаву, а даже стал членом ЦК. И вообще закусил бы удила, если бы не твердая рука товарища Сталина и трезвый подход к делу нового наркома внутренних дел Берия, которые не давали ему развернуться в полную силу.

Впрочем, сейчас, судя по всему, Лев Захарович оказался на своем месте. И выполняет действительно важную задачу. Являясь членом военного совета Северного фронта и присматривая за командующим. Уж он-то забаловать Жукову не даст!

Конев усмехнулся. Нашел-таки товарищ Сталин на Жукова узду по мерке!

А он тут, на перешейке, уж как-нибудь сам, без надсмотрщика обойдется!

Попов вскроет УР на главном направлении, пока Батов, со своей Седьмой армией, на правом фланге будет финнов отвлекать. Тринадцатая армия разовьет успех. А когда Рябышев Хельсинки возьмет, зачисткой освобожденной территории и наведением революционного порядка займется товарищ Антила со своими краснофиннами и краснокарелами. Под мудрым руководством товарища Куусинена...

Командир двадцать первой Пермской Краснознаменной стрелковой дивизии комбриг Ксенофонов ехал в радином бронев автомобиле в середине штабной колонны.

Боевой приказ штаба Первой Отдельной Краснознаменной армии от двадцать четвертого ноября гласил: «Двадцать шестому стрелковому корпусу в составе двадцать первой стрелковой дивизии, двадцать второй стрелковой дивизии, двадцать шестой стрелковой дивизии, семьдесят третьего пушечного артиллерийского полка, двадцать четвертого корпусного артиллерийского полка, сорок третьего корпусного тяжелого артиллерийского полка, сорок седьмого корпусного гаубичного артиллерийского полка, тридцать пятой легкотанковой бригады, девяностого отдельного танкового батальона двадцатой тяжелой танковой бригады по особому приказу перейти в наступление, нанося удар на правом фланге в направлении Сумма, на левом - на Хумалийоки, имея ближайшей задачей разгромить части противника, правым флангом выйти на фронт Илякюля - Каннельярви; левым крылом выйти на фронт Кирьявала - Местерьярви. Последующая задача - овладеть рубежом Сумма, Кархула, Хамалийоки».

Особый приказ был получен двадцать девятого ноября. За час до полуночи.

Утром, сразу после завершения митинга, батальоны заняли исходные позиции. А ровно в восемь ударили гаубицы, пушки и минометы. Корпусная, дивизионная и полковая артиллерия долбила приграничную полосу на финской стороне в течение получаса. Яркие всполохи огня освещали горизонт. Земля ходила ходуном. От грохота закладывало уши. Султаны мерзлой земли и обломки заграждений взлетали в предрассветное небо, в котором гудели моторы бом-

бардировщиков шедших на бомбардировку вражеских тылов и возвращающихся после выполнения задания.

Когда артобстрел окончился, настала оглушающая тишина.

А потом вверх взметнулись красные ракеты, и над изрытой снарядами и бомбами землей пронеслось раскатистое красноармейское «Ур-р-ра!». Политруки и командиры выскочили на бруствер, героически поднявшись в полный рост, и замахали своими ТТ, призывая бойцов в атаку на подлого врага. И темная волна покатила по полю вдоль железной дороги...

Белофинны огня не открывали. Ни ураганного, ни какого. Похоже, их тут вообще не было. Хотя, по данным разведки, на этом участке кроме погранзвезда, дислоцировалась самокатная егерская рота, кавалерийский эскадрон и бронепоезд.

Отошли, наверное, гады! На заранее подготовленные позиции.

Ксенофонтов выругался и приказал свернуть пехотные цепи в колонны. Разведбат, саперная рота и танковый батальон - вперед. Остальные за ними. Артполк - в походное положение. И штаб. И политотдел с дивизионной газетой.

Выполнять!..

Комбриг ехал в бронев автомобиле, не снимая танкового шлема с наушниками.

Судя по докладам командира разведывательного батальона капитана Угрюмова, пока все шло хорошо. Наступление развивалось успешно. К вечеру без единого выстрела были взяты приграничный поселок Луутахантя, железнодорожные станции Оллила, Куоккала и Келломяки. Разрушенные до основания. Потому что противник, отступая, взрывал железнодорожные пути и сжигал дома и хозяйственные постройки.

Боестолкновений пока не было, но без потерь, увы, не обошлось.

Коварные финны не только устроили минированные завалы и установили фугасы на всех дорогах. Отходя, они побросали вдоль обочины много разного барахла. Щегольские офицерские шинели. Сапоги и шапки. Сумки и чемоданы. Рассчитывая, что красноармейцы станут их подбирать. И подорвутся на минах-ловушках.

Они и подрывались. Пока не поняли, что к чему. Те, кто уцелел...

К вечеру разведбат вышел к поселку Терийоки. И попал под пулеметный огонь. Несколько бойцов было убито и ранено. Роты залегли.

Комбат связался с танкистами и попросил помощи.

К этому времени танковый батальон заметно отстал от разведчиков. Так как Курносое шоссе, по которому он двигался вслед за ними, было испорчено и заминировано практически на всем своем протяжении.

Узнав об этом, Угрюмов предложил двинуть танки по железнодорожному полотну. Мин здесь было установлено гораздо меньше. Да, и те он уже успел обезвредить. Командир танкового батальона капитан Жолудев подумал и согласился.

Час спустя передовая танковая рота прямо по рельсам ворвалась в Терийоки. Немногочисленный финский заслон (отделение егерей и два пулеметных расчета) воспользовался наступившей темнотой и отошел в направлении Райвола.

Получив доклад Угрюмова, комбриг Ксенофонтов сразу же связался по радио с командиром двадцать шестого стрелкового корпуса комдивом Дубковым и отрапортовал о занятии Терийоки. Дубков тут же доложил об этом командующему армией комкору Попову, Попов - командующему фронтом командарму первого ранга Коневу, а Конев - командующему Северо-Западным направлением командарму первого ранга Тимошенко. Который приказал срочно соединить его с наркомом обороны и доложил товарищу Сталину о первом успехе на Карельском перешейке.

Утром во всех центральных газетах появилось сообщение штаба Ленинградского фронта о штурме и взятии важного укрепленного пункта и узла сопротивления противника Терийоки.

Рядом был помещен, полученный с помощью радиоперехвата и переведенный на русский язык текст «Декларации Народного правительства Финляндской Демократической Республики». Которое было создано в первом же освобожденном Красной Армией финляндском городе представителями левых партий и восставших солдат финской армии...

Девяностый отдельный танковый батальон двадцатой тяжелой танковой бригады имени С.М. Кирова переправился на правый берег реки Сестры вслед за частями двадцать шестой Златоустовской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии. По мосту, который еще до начала артподготовки захватил резервный взвод Майнильской погранзаставы. Сняв финский пост втихую. Ножами.

Яппинен белофинны оставили без боя.

А потом у пехоты начались проблемы.

Около полудня запросил помощи наступавший на крайнем правом фланге дивизии третий батальон восемьдесят седьмого стрелкового полка, который угодил в засаду возле поселка Карвала. И залег посреди поля под огнем противника.

Остальные батальоны восемьдесят седьмого полка были связаны боем в районе Линтулы. А основные силы дивизии (разведбат, два стрелковых полка и танковый батальон), наносившие главный удар вдоль западного берега озера Питкяярви в направлении Каннельярви, к этому времени уже глубоко втянулись в межозерное дефиле и помочь батальону, попавшему в трудное положение, ничем не могли.

Командир дивизии комбриг Федоров, оценил обстановку и принял единственно возможное решение – бросить на помощь третьему стрелковому батальону передовую роту двадцатой танковой бригады. Которая находилась на полпути от Яппинена к Линтуле, медленно двигаясь вслед за саперами по сплошь минированному и перегороженному завалами Выборгскому шоссе.

Получив по радио приказ ускоренным маршем выдвинуться к Карвале и поддержать пехоту огнем и гусеницами, лейтенант Хохлов вылез из башни, и осмотрелся. Позади него, развернув пулеметные башни в сторону редколесья, начинающегося сразу за обочиной, урчали девять «двадцать восьмерок» его роты. Впереди, разбирая очередной завал, копошились саперы.

Хохлов достал планшет с картой и прикинул пройденное расстояние. За три часа они одолели четыре километра. До перекрестка осталось около трех. От перекрестка до Карвалы еще столько же. Итого пять часов пути, если двигаться с той же скоростью. А с другой скоростью по шоссе двигаться нельзя! Потому что – мины!

Вот тебе и ускоренный марш! Лейтенант сдвинул шлем на затылок. Что же делать? Приказ надо выполнять в любом случае. И пехоту жалко. Полягут, ведь, ребята!

Хохлов посмотрел на припорошенный снегом мелкий молодой сосняк, поднимающийся слева и справа от шоссе, и прищурился. А может, махнуть напрямки, по азимуту?..

А что? Для его «двадцать восьмерок» этот сосняк не преграда!

Средний танк Т-28 был замечательной машиной! Несколько уступая в вооружении пяти башенному «сухопутному линкору» Т-35, трех башенный Т-28 был почти в два раза легче своего старшего собрата. Поэтому, имея тот же самый пятисот сильный двигатель М-17Т, мог разгоняться до сорока пяти километров в час! Хорошо бронированный (лоб и борт - тридцать миллиметров, корма – двадцать, днище - пятнадцать) и прекрасно вооруженный (трех дюймовая танковая пушка и четыре пулемета), он не имел равных в своем классе и являлся символом мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

Хохлов подозвал к себе командиров взводов, объяснил свой замысел и приказал:

- Делай, как я!

Лихо развернувшись, головной танк повернул направо, сполз с шоссе и, врубив первую передачу, двинулся вперед. Сметая все на своем пути. Натужно ревел двигатель. Одна за другой валились сосны. Парила развороченная танковыми гусеницами земля.

Рота вытянулась в колонну и скрылась в лесу вслед за своим командиром. А саперы остались на шоссе. Дальше разминировать.

Обойдя несколько болот, лейтенант вывел роту к Карвале и развернул в боевой порядок на опушке леса. А потом собрал командиров экипажей у своего танка:

- Слушай боевой приказ! Уничтожить противника, окружившего третий батальон восьмьдесят седьмого стрелкового полка! Направление атаки - высота сто двадцать пять и два. При обнаружении врага - атаковать с ходу, на больших скоростях. Экипажам внимательно следить за соседними машинами и в случае вражеского нападения - поддерживать друг друга огнем. При встрече со своими войсками не останавливаться, проходить их боевые порядки и продолжать выполнять боевую задачу. Сборный пункт после атаки - высота девяносто восемь и пять. За товарища Сталина! За ВКП(б)! Вперед!!

Появление танков оказалось для белофиннов совершенно неожиданным. Впрочем, как и для окруженного батальона. Ведя огонь из пушек и пулеметов по разбегающимся вражеским солдатам «двадцать восьмерки» выскочили к поселку, разнесли в щепки несколько домов и сараев, и отогнали врага.

Собрав роту после боя, лейтенант Хохлов доложил по радио о выполнении поставленной задачи и получил новый приказ - посадить пехоту на броню и организовать преследование отступающего противника.

Однако финны улепетывали так стремительно, что догнать их не представлялось возможным. В спешке они даже дорогу заминировать не успели.

Зато мост через Линтулайоки, явно подготовленный к взрыву заранее, подорвали прямо перед носом у советских танкистов.

Повезло, с облегчением подумал лейтенант. Потому что рвануло здорово. И если бы он успел заехать на мост, то сейчас лежал бы вверх гусеницами на дне реки. Со всем экипажем. В бронированной братской могиле.

Смерть прошла совсем близко. В двух шагах...

Разведав броды, Хохлов в темпе форсировал реку, а потом ударил в тыл окопавшимся в Линтуле финнам. В ходе скоротечного боя его рота уничтожила два дзота. Пехота довершила разгром.

Незаметно опустились сумерки. По-зимнему короткий, последний день осени подходил к концу.

Но еще не окончился.

Лейтенант вздохнул. Передышка оказалась очень короткой. Пять минут на сухпай. Пять - на осмотр ходовой части и проверку вооружения. Еще пять - на уяснение очередной боевой задачи.

Опять предстоял ускоренный марш. А потом – бой.

Ночной бой!

Капитан Ушаков, командир отдельного девяностого танкового батальона, был как всегда краток:

- К двадцати трем ноль-ноль выйдешь в район северо-западнее Кирка Кивеннапа. Вот сюда, - ткнул пальцем в планшет капитан. - Перегруппируешься. А затем, - он сжал кулак. - Взаимодействуя со второй, третьей и четвертой танковыми ротами. Ориентировочно в ноль часов. По моему сигналу. Две красные ракеты, одна зеленая. Ударишь вдоль шоссе на юг! В тыл этой сволочи! Вопросы есть? Вопросов нет! Действуй!

Лейтенант Хохлов козырнул и отправился ставить боевую задачу личному составу.

Как потом выяснилось, в Кивеннапе засели две роты отдельного самокатного егерского батальона и отряд шюцкоровцев. Шоссе у въезда в поселок было перекрыто минированным завалом и пятью рядами гранитных надолбов. Подходы с юга прикрывали противотанковые рвы и эскарпы с заграждениями из колючей проволоки поверху. А также четыре пулеметных деревоземляных огневых точки и батарея новейших противотанковых тридцати семи миллиметровых орудий «Бофорс». Система огня была хорошо продумана, а все основные рубежи тщательно пристреляны.

Интуитивное решение капитана Ушакова атаковать Кивеннапу ночью силами одного танкового батальона и нескольких стрелковых рот (а больше на броню не влезло) спасло множество жизней.

Во-первых, потому что финны никак не ожидали ночной атаки. Во-вторых, они никак не ожидали такой массивной танковой атаки (тридцать машин!). И, в-третьих, они не ожидали атаки «двадцать восьмерок». Потому что отдельные танковые батальоны стрелковых дивизий имели на вооружении только легкие танки БТ-7 и Т-26.

А тут на их позиции, то и дело, останавливаясь, чтобы выстрелить, со всех сторон надвигались десятки трех башенных гигантов. Повсюду рвались их трехдюймовые осколочно-фугасные снаряды, а все видимое пространство прошивали трассеры пулеметных очередей.

Внезапно с севера в Кивеннапу, стреляя из пушек и пулеметов, ворвалось еще десять огромных бронированных чудовищ.

Что, собственно, и решило исход боя.

Финнам все же удалось подбить и повредить несколько танков, прежде чем их противотанковые орудия были уничтожены. Но это ничего уже не могло изменить.

К двум часам ночи в Кирке Кивеннапе не осталось ни одного белофинна. Которые бежали так, что только пятки сверкали.

Догонять их не стали.

Денек выдался длинный и кровавый. И танкисты, и пехотинцы просто валялись с ног от усталости. Поэтому Ушаков решил не искушать судьбу, организовав ночное преследование противника в незнакомой местности, перенасыщенной всяческими противопехотными и противотанковыми заграждениями, приказал организовать круговую оборону и расставить караулы. А всем остальным - спать! До шести утра!..

Командир двадцать шестого стрелкового корпуса комдив Дубков перечитал боевое донесение еще раз, расписался внизу и приказал отправить его в штаб армии.

К исходу дня соединения корпуса вышли на фронт Кирка Кивеннапа, Сууляярви, Райвола, Терийоки. Комдив недовольно поморщился. Федоров подкачал, застрял на финских заграждениях и не дошел до Каннельярви! И Ксенофонтов тоже хорош, взял Терийоки и успокоился! Ничего, хвоста он накрутил обоим, как надо! А с утра еще добавит! Чтобы не спали на ходу!

Глубокой ночью, собрав, наконец, все донесения о положении частей и соединений фронта на ноль часов ноль минут первого декабря и нанеся их на карту, начальник штаба Ленинградского фронта командарм второго ранга Мерецков отправился с докладом к командующему.

Конев некоторое время молча изучал обстановку, изредка прихлебывая крепкий чай. А потом выпрямился, поставил стакан, и потер широкой ладонью свой чисто выбритый череп:

- Ну, что же, Кирилл Афанасьевич, неплохо! Свою ближайшую задачу Попов уже выполнил. Форсировал линию оперативных заграждений, и практически вышел к передовой линии обороны. Завтра, - он взглянул на часы. - Точнее, уже сегодня, будем пробовать ее на зуб, - комфронта наклонился, оперевшись руками в стол, и всмотрелся в карту. - Противник отходит, не оказывая серьезного сопротивления. Однако обольщаться этим не стоит. Потому что, судя по всему, отходит он очень организованно. И готовится встретить нас на заранее подго-

товленных рубежах, - Конев оторвал взгляд от карты и посмотрел на своего начштаба. – Пора выдвигать ОтИБОНЫ в первый эшелон! Посмотрим, на что они годятся... А заодно проверим свои задумки! Перед главным штурмом, - он выпрямился. - Чтобы не опростоволоситься перед товарищем Сталиным в день Сталинской Конституции!..

### **3. Бейте с неба, самолеты...**

#### **Ленинградский фронт, конец ноября 1939 г.**

...Карельский перешеек и северо-восточное побережье Финского залива еще никогда не фотографировали так тщательно. Со всех высот, ракурсов и направлений. И утром, и днем, и вечером.

Правительство Финляндской республики неоднократно выражало протесты против нарушения своего воздушного пространства. Но это ни к чему не привело. Наркомат иностранных дел Советского Союза регулярно приносил свои извинения. На чем все и заканчивалось. А нарушения не прекращались. Всю осень...

Начальник пятого управления Генштаба Герой Советского Союза комдив Проскуров об аэрофотосъемке знал не понаслышке. Пять лет назад он окончил Школу морских летчиков и летнабов имени товарища Сталина в Ейске. Был командиром экипажа, а потом командовал отрядом восемьдесят девятой тяжелобомбардировочной эскадрильи Московского военного округа.

В тридцать пятом за успехи в боевой, политической и технической подготовке его наградили орденом Красной Звезды. А в тридцать шестом нарком обороны товарищ Ворошилов лично вручил ему именные золотые часы за дальний перелет из Монино в Хабаровск на тяжелом бомбардировщике ТБ-3. В сложнейших метеоусловиях его экипаж за двадцать девять с половиной часов летного времени преодолел почти семь тысяч километров! И доставил на Дальний Восток запчасти для Чкаловского АНТ-25, подломавшего шасси во время вынужденной посадки на острове Удд.

Внеочередное воинское звание «майор», грамоту Героя, ордена Ленина и Красного Знамени Иван Проскуров получил в июне тридцать седьмого года. «За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и проявленный в этом деле героизм». А проще говоря, за Испанию, где он командовал скоростной бомбардировочной эскадрильей и совершил сорок шесть боевых вылетов.

Несколько месяцев спустя ему досрочно дали полковника, а потом - комбрига. И назначили командующим Второй авиационной армией особого назначения.

Ошеломительная, даже по тем временам, карьера! Меньше чем за год он шагнул из комэсков в командармы!

Было страшновато, конечно. Такая ответственность! Но отказываться от высокой должности Иван не стал. Потому что не привык отказываться от партийных поручений!

Впрочем, это были еще только цветочки! А вскоре пошли и ягодки...

В феврале этого года, опять же досрочно, ему присвоили звание «комдив», а потом совершенно неожиданно поручили возглавить Разведуправление Генштаба.

На этот раз он отказался.

Потому что самому слетать на разведку в тыл противника или дешифровать аэрофотоснимки - это одно. А руководить всей разведывательной деятельностью Красной Армии - совсем другое!

Но ему напомнили о партийной дисциплине. Пришлось подчиниться.

И засучить рукава...

Потому что разведывательная работа в РККА была полностью завалена. Четыре предыдущих начальника разведупра, все как один, оказались врагами народа и были расстреляны. Поэтому на подготовленную ими агентуру полагаться было нельзя. Скорее всего, она была засвечена и работала «под колпаком». Или перевербована. Пришлось вызывать этих «разведчиков» из-за рубежа. По одному. И арестовывать.

Проскуров спал четыре часа в сутки, пытаясь объять необъятное. И все равно не успевал. Молодые командиры, набранные из войсковых частей вместо арестованных шпионов и лазутчиков, были полны энтузиазма. Но мало что смыслили в разведке. Впрочем, как и он сам. Поэтому пришлось учиться на ходу. Всему.

Когда в начале сентября начальник Генштаба командарм первого ранга Шапошников поставил задачу собрать как можно больше информации о линии Маннергейма и береговой обороне Финляндии, Проскуров первым делом подумал об аэрофотосъемке. И немедленно занялся ее организацией. Лично!

Не забывая, само собой, об организации эффективной войсковой и агентурной разведки в Ленинградском военном округе, анализе и проверке уже имеющихся сведений о финских вооруженных силах, и налаживании взаимодействия с ИНО НКВД.

Но главное внимание комдив уделял все-таки авиаразведке.

Сотни фотопланшетов со снимками Карельского перешейка и финской береговой линии были разостланы на полу в огромном актовом зале Военной Воздушной академии имени Жуковского.

У дверей сидел сотрудник Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД и проверял пропуска у всех входящих и выходящих. С отметкой в журнале дежурства.

А внутри с увеличительными стеклами в руках день и ночь ползали по планшетам десятки старших и средних командиров - преподаватели и слушатели факультета авиационных штурманов Военной Воздушной академии, штурманы отдельной скоростной бомбардировочной эскадрильи при ВВА, девятой дальней разведывательной эскадрильи ВВС МВО, а также пятого, двадцать первого и пятьдесят третьего дальнебомбардировочных авиаполков Первой отдельной авиационной армии РКК.

Ползали с единственной целью - провести точную идентификацию финских долговременных оборонительных сооружений, упоминаемых в донесениях, докладах, сводках и разведывательных спецсообщениях. Источник поступления информации был не важен. Проверяли все поступающие сведения без исключения.

Главное – найти эти ДОТы и ДЗОТы, береговые батареи и склады боеприпасов, и привязать к ориентирам на местности! Чтобы потом раздолбать тонными и полутонными фугасными авиабомбами вдребезги! А все, что уцелеет добить артиллерией крупного калибра! Морской и сухопутной.

И нашли. И привязали.

Пришло время долбать!

В три часа утра тридцатого ноября на авиабазах Первой авиационной армии Резерва Главного Командования в Монино, Калинин и Иваново заревели авиамоторы.

А через час тяжело груженные ТБ, ДБ и СБ один за другим стали отрываться от бетонных полос, медленно набирая высоту и вставая в круг над аэродромом в ожидании своих товарищей.

На полетных картах у каждого экипажа были указаны конкретные цели. Которые во время митинга они торжественно поклялись уничтожить. И которые теперь будут бомбить каждый день! До тех пор пока не уничтожат! То есть, пока их уничтожение не подтвердит фотоконтроль и доклады наземных войск.

Подвергать бомбардировке населенные пункты, было категорически запрещено. Экипажи, нарушившие приказ, в полном составе, включая воздушных стрелков и мотористов, ждал трибунал. Со всеми вытекающими последствиями.

Собравшись вдоль линейного ориентира – железной дороги Москва-Ленинград, как они не раз это делали в ходе подготовки к первомайским парадам, полки двинулись на север. Истре-

бительное прикрытие (три полка пятьдесят девятой истребительной авиабригады) должно было присоединиться к ним под Ленинградом.

Огромную колонну из трех с лишним сотен машин возглавлял командующий армией Герой Советского Союза комдив Тхор со своим флагштурманом Героем Советского Союза комбригом Данилиным. И его помощниками, которые должны были поддерживать связь со всеми соединениями и строго следить за прохождением контрольных точек.

Комдив вел самолет так плавно, что стрелки приборов застыли на циферблатах как приклеенные. Под крылом проплывали заснеженные леса и поля.

Но мысли его были далеко...

После окончания боевых действий в Северо-Восточном Китае части Первой и Третьей отдельных авиационных армий РКК возвратились в места основного базирования. Личный состав обмыл заслуженные боевые награды, досрочные очередные и внеочередные воинские звания, и приступил к плановой боевой учебе и техническому обслуживанию материальной части. А на подпись командирам и начальникам всех степеней легли длинные списки отпусков.

Обрадованные жены принялись укладывать чемоданы, предвкушая долгожданный отпуск и несколько недель безоблачного счастья. И с трудом справились со слезами, узнав, что все отпуска задержаны. На неопределенный срок.

Военкомы и политработники пытались успокоить встревоженных женщин как могли. Но не очень в этом преуспели. В Европе полыхала война. И тяжелые предчувствия, охватившие женские сердца, развеять было нелегко.

Так или иначе, тщательно уложенные чемоданы были распакованы и снова засунуты в шкафы и кладовки. С глаз долой. До лучших времен...

В середине октября, когда передислокация армии на подмосковные аэродромы была завершена, комдив Тхор смог, наконец, заняться личными делами. Оставив на хозяйстве заместителя, он сел в штабной «Дуглас» и вылетел в Воронеж.

Потому что по информации начальника особого отдела именно там спряталась эта сволочь!! Бывший начальник политуправления Забайкальского военного округа дивизионный комиссар Васильев. С женой. И ребенком.

Его, Григория, ребенком! И его, Григория, женой!!

Бывшей...

Прилетев в Воронеж, он взял «эмку» начальника сто двенадцатой авиабазы и поехал в город. Адресок Васильева у него имелся. Уволившись из кадров РККА, этот мерзавец и на гражданке неплохо устроился! Работал редактором городской газеты и получил отдельную жилплощадь в центре с телефоном.

Григорий прямо с аэродрома позвонил в редакцию и попросил пригласить товарища Васильева. Ему ответили, что Георгий Андрианович уехал в горком на заседание бюро, вернется вечером, а кто его спрашивает?

- Комдив Тхор, - ответил Григорий и повесил трубку.

Когда боец довез его до места, комдив достал из кобуры ТТ и вынул обойму. На всякий случай. От греха.

- Ждать здесь! - приказал он шоферу и вышел из машины.

Поднявшись на верхний этаж, Григорий постоял на лестничной площадке. Пытаясь унять бешено бьющееся сердце. И хоть немного успокоиться. А потом постучал.

Послышались легкие шаги. И сердце замерло в его груди...

Потому что это были ее шаги!

Наталья открыла дверь. И ахнула. И отшатнулась, прижав ладошку ко рту.

Она стояла перед ним в домашнем фланелевом халате. Стройная и полногрудая. Черная коса небрежно заколота на затылке. Огромные синие глаза смотрели на него в упор. Медленно наполняясь слезами...

Григорий шагнул к ней. Обнял. И припал к губам.

Она всхлипнула, обвила его за шею руками и ответила на поцелуй. Григорий, не глядя, притворил за собой дверь и задвинул засов. А потом подхватил ее на руки и унес в комнату. На кровать...

Какое-то время спустя, когда они пришли, наконец, в себя, Григорий встал, молча оделся и отошел к окну. А она уткнулась лицом в измятую подушку и расплакалась...

Вдруг скрипнула дверь. Он обернулся и увидел детскую мордашку, осторожно заглядывающую в щелку. Наталья проглотила слезы, села и быстро набросила халат.

- Mamочка! - пролепетала малышка, подбежала и залезла к ней на колени. - А кто этот дядя? - громко прошептала она, уткнувшись в материнское плечо и косясь на Григория. - Почему ты плачешь? Этот дядя плохой, да? Это он тебя обидел?

У комдива так защемило сердце, что из глаз брызнули слезы.

Потому что это была его дочь! Которую он не видел два года. И для которой теперь был чужим дядей.

- Это не дядя, Машенька, - сказала Наталья. - Это твой папа.

- Нет! - крикнула девочка. - Это не мой папа! Мой папа - герой! Его убили на войне! Ты сама говорила!

Григорий вытер глаза тыльной стороной ладони.

- Меня не убили, - он подошел и присел на корточки перед дочуркой. - А только ранили. А все подумали, что убили. И мама тоже. А я вернулся. Так иногда случается...

- А как тебя зовут? - недоверчиво спросила малышка. - Моего папу зовут Гриша. А тебя? Ты тоже герой?

- Тоже, - грустно улыбнулся он.

За дверями послышался детский плач. Наталья встревожено посмотрела на Григория. Посадила девочку на кровать и вышла из комнаты.

Он зажмурился... У нее был второй ребенок. От Васильева.

- Дядя-папа, - тихонько подергала его за рукав дочка. - Тебе плохо? У тебя что-то болит, да?

Он открыл глаза и покачал головой, а потом взял ее на руки.

- А это ордена? - спросила она. - А они настоящие?

Григорий кивнул.

- Это Сашка плачет, - сообщила Маша. - Он еще маленький. А мне скоро будет уже четыре годика! - похвасталась она. - А они золотые? А можно их потрогать?..

В спальню вернулась Наталья. С годовалым малышом в ползунках и распашонке. Подошла и села рядом с Григорием. Который глядел на ребенка во все глаза.

- Mamочка! - закричала Маша. - Смотри, как дядя-папа похож на Сашку!

Они и, правда, были похожи как две капли воды. Оба скуластые, курносые, темно-русые и сероглазые.

- Мой? - прошептал Григорий, не смея в это поверить.

- Твой, - прошептала Наталья.

- Но, как же так? - спросил он.

- Машенька, - сказала Наталья, поднимаясь. - Давай ты поиграешь немного с Сашей. А мы с твоим папой поговорим. А потом мы все вместе поиграем? Ты же у меня совсем большая девочка! И все понимаешь. А нам с папой надо поговорить.

- Ну, что с вами поделаешь, - вздохнула малышка, совсем как взрослая. - Пойдем уже, - она взяла мать за руку и повернулась к Григорию. - Только ты никуда не уходи, ладно? Не уйдешь?

- Не уйду, - сказал он.

А когда они вышли, обхватил руками голову и застонал.

Что же делать? Что же теперь делать?!

Через пару минут Наталья вернулась. И присела рядом.

- Прости меня, Гриша, - тихо сказала она. - Так получилось... Ты уехал в Китай. Я не хотела, чтобы ты уезжал. А ты уехал... Мы поссорились... И я решила уйти от тебя. Развестись и уехать... А тут пришел он. Узнал откуда-то и пришел... С цветами и вином, - Наталья всхлипнула и замолчала.

- Продолжай, - глухо сказал Григорий.

- Прости меня, - прошептала она чуть слышно. - Мне было так плохо! Так одиноко!.. А он обещал уволиться из армии. Если я выйду за него замуж. Обещал увезти меня из этой ужасной Читы!.. Господи, если бы ты послушал меня тогда, если бы не уехал! - воскликнула Наталья горестно.

- А как же Сашка? - спросил Григорий.

- Я подумала, что ребенок от него, - она опустила глаза. - Что это после того раза... Когда он приходил. С цветами.

Григорий молчал.

- Мы больше не встречались! Я не хотела его видеть! - воскликнула Наталья и прижала ладони к груди. - А когда поняла, что забеременела, - она уронила руки на колени. - Решила, что от него... А он так обрадовался! Когда узнал!.. Пообещал уволиться. И увезти меня... Господи! - застонала она. - Ну, что же мне было делать!..

После ее слов в комнате надолго повисла тишина. Лишь на комодке тикали часы.

- Ты его любишь? - наконец, спросил Григорий.

- А куда деваться? - вздохнула Наталья. - Он, ведь, мой муж.

- Я не об этом, - сказал он и снова спросил. - Ты любишь его?

- Мы живем вместе, - отвела взгляд Наталья. - Иногда спим... Я знаю, что у него есть любовница. Его секретарша... Он сам признался, когда понял, что Сашенька не от него. Но мне это все равно... Нет, не люблю, - сказала она твердо, и посмотрела Григорию прямо в глаза. - И никогда не любила... Никого, кроме тебя.

Он резко встал и отошел к окну. В ушах у него звенело, сердце колотилось, воздуху не хватало, как во время полета на большой высоте...

- Значит, так, - повернулся он к жене. - Полчаса на сборы. Ничего с собой не бери. Только детские вещи. Через час мы улетаем. Ко мне. В Монино. А с Васильевым я потом разберусь. Можешь оставить ему записку. Если захочешь.

Наталья медленно поднялась, не веря своим ушам. Григорий подошел к ней, обнял и прижал к себе. А потом сказал:

- Больше никаких спецкомандировок! И никаких разводов!

И тогда она разрыдалась по-настоящему...

- Пять минут до главного контрольного пункта! - доложил Данилин.

- Всем приготовиться! - приказал Тхор, очнувшись от воспоминаний.

Под широкими крыльями флагманского ТБ-3 раскинулся Ленинград.

Справа серебрилась свинцово-серая лента Невы. Слева в туманной дымке темнел Финский залив. Мосты были уже сведены. По улицам и проспектам сновали автомобили, трамваи и автобусы. В безоблачное небо поднимались высокие столбы фабричного дыма. Огромный город уже проснулся.

И оторопел в восхищении, подняв глаза к небу.

Потому что там, в вышине, с грозным рокотом в плотном строю эскадрилий шли десятки четырехмоторных краснозвездных гигантов, вокруг которых тут и там носились стаи юрких лобастых истребителей.

Сразу за городом общая армейская колонна разошлась на несколько полковых, отправившихся каждая к своему участку линии Маннергейма. Навстречу им двигались успевшие отбомбиться по предполью вражеской обороны полки скоростных бомбардировщиков фронтовой и армейской авиации. А сзади уже подпирали тяжелые и дальние бомбардировщики Третьей отдельной авиационной армии РКК.

Первый тяжелобомбардировочный, восьмой, одиннадцатый и двенадцатый дальнебомбардировочные авиаполки Третьей армии были переброшены из Ростова-на-Дону, Новочеркасска и Запорожья в Ленинградский военный округ к середине ноября. И с горем пополам распиханы по авиабазам в Красногвардейске, Новгороде, Пскове, Сиверской и Едрово. Хозяевам пришлось изрядно уплотниться. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Впрочем, к этому времени несколько истребительных авиаполков и скоростных бомбардировочных авиабригад было уже передислоцировано из-под Ленинграда на Север. В Мурманск, Архангельск и Петрозаводск. С целью усиления ВВС Северного фронта, который до этих пор располагал лишь тремя смешанными авиаполками (пятым, семьдесят вторым и восьмидесятым). Чего, само собой, было совершенно недостаточно.

И не столько для разгрома Лапландской группировки белофиннов, которая была не очень велика, сколько в качестве предостережения белошведам и белонорвежцам. Чтобы не дергались. А также их британским и французским покровителям. С той же целью. На всякий пожарный случай!

- Так, армия прошла, - констатировал комбриг Сузи, выглядывая в окно. - Пора и нам в путь-дорогу, Адам Иосифович.

Все три полка восьмидесятой смешанной авиабригады особого назначения ВВС Ленинградского фронта (восемьдесят третий истребительный, восемьдесят четвертый бомбардировочный и восемьдесят пятый Краснознаменный смешанный) вместе со штабом бригады дислоцировались в Пушкине.

Командир бригады Герой Советского Союза комдив Залевский посмотрел на часы:

- Пора, Томас Павлович!.. Как там моряки? Что слышно?

- Из штаба флота сообщили, что эсминцы с тральщиками три часа назад вышли из Кронштадта. По идее должны уже начать траление.

- Разведчик в воздухе?

- Так точно!

- Подымай Байдукова! И две эскадрильи И-16.

- Есть, товарищ комдив!

Первая, вторая и третья эскадрильи восемьдесят четвертого бомбардировочного авиаполка особого назначения, которым командовал Герой Советского Союза полковник Байдуков, имели на вооружении обычные бомбардировщики ДБ-3. А четвертая и пятая были оснащены ДБ-3 и СБ-бис, специально доработанными для пикирования под крутыми углами. На них были установлены решетки воздушных тормозов, а также автоматы вывода из пике и модернизированные бомбосбрасыватели.

Собрав своих ребят над аэродромом, и дождавшись взлета истребителей, Байдуков увел группу на северо-запад. Сегодня все пять эскадрилий его полка, включая пикировщиков, будут бомбить с горизонтального полета. А пикировочный удар нанесут послезавтра. Совместно с «составными пикирующими бомбардировщиками» Коккинаки.

После того, как по батареям отработают линейные корабли «Марат» и «Октябрьская революция».

И, наконец, появится полная ясность, кого бомбить и где!

Потому что до сих пор так и не удалось установить точное расположение береговых батарей в районе Виипури, хотя разведчики пятнадцатого морского разведывательного авиаполка и летали над побережьем Выборгского залива три месяца подряд! Без особого толку. Маскироваться финны умели!

По данным агентурной разведки подступы к проливам Бьоркезунд, Тронзунд и северную часть Сейскарского плеса прикрывал второй береговой артиллерийский полк, шесть батарей которого насчитывали двадцать восемь крупнокалиберных орудий. Двенадцатидюймовая двухорудийная батарея располагалась на мысе Ристиниеми, десятидюймовая шестиорудийная - на острове Бьорке, а шестидюймовые - на островах Тиуринсаари и Уурансаари, а также в районе Хумалийоки и на мысе Сатаманиеми.

Все эти батареи надо было уничтожить еще до того, как Первая Отдельная Краснознаменная армия выйдет к Виипури. А для начала их найти!

Чем сегодня и должны заняться эскадренные миноносцы. Раздразнить финнов, спровоцировать на открытие огня и дать возможность «эмбэрухам» засечь, в конце концов, расположение этих «невидимок»!

Восемьдесят третьим истребительным авиаполком особого назначения командовал Герой Советского Союза полковник Супрун. Кроме четырех эскадрилий И-16 у него имелась еще одна. Специальная. В составе которой проходили войсковые испытания шесть новейших истребителей конструкции Поликарпова И-180 и три штурмовика БШ-2 конструкции Ильюшина.

В бытность летчиком-испытателем Научно-испытательного института ВВС РККА, Супрун принимал непосредственное участие в летных и государственных испытаниях обоих самолетов, а «сто восьмидесятый» даже показывал руководителям партии и правительства во время последнего довоенного Первомайского парада.

И не скрывал своего восхищения этими машинами!

И-180 был дальнейшим развитием хорошо освоенного и в производстве, и в войсковых частях истребителя И-16. Новый мотор М-87 позволял ему разгоняться до пятисот семидесяти пяти километров в час!

Четыре ШКАСа, конечно, нельзя было назвать мощным вооружением. Но Поликарпов клятвенно обещал поставить на серийные И-180 крупнокалиберные пулеметы и двадцати миллиметровые пушки. И еще более мощный двигатель М-88, находившийся в доводке и имевший схожие с М-87 габаритно-весовые характеристики. С этим движком скорость должна была превысить шестьсот километров в час! И это был достойный ответ Мессершмитту!

Управлялся И-180 проще, чем И-16, и был менее строг к ошибкам пилота. Сдвижной фонарь, удлиненный, гладкий капот и слегка вынесенное вперед крыло с прямой стреловидностью передней кромки придавали машине очень благородный вид.

Трагическая гибель Валерия Чкалова бросила тень на этот замечательный истребитель. Но Супрун написал письмо лично товарищу Сталину и сумел-таки его убедить, что это была нелепая случайность.

В первый испытательный полет на «сто восьмидесятом» Валерий вылетел с множеством недоделок и дефектов. Как оно обычно и бывает. Для этого самолет и испытывают. Чтобы все эти недоделки и дефекты выявить.

А потом начались случайности. Вполне безобидные. Каждая по отдельности. И оказавшиеся фатальными все вместе.

Во-первых, Валерий нарушил полетное задание.

Которое предписывало сделать круг над аэродромом без уборки шасси и сесть. И все! А он отклонился от маршрута и пролетел над ближней дачей товарища Сталина. Скорее всего, для того, чтобы продемонстрировать новый основной истребитель РККА. В качестве подарка ко дню рождения любимого вождя.

Во-вторых, в этот день был очень сильный мороз.

Ничего особенного. Если бы на двигателе были установлены лобовые жалюзи. Но их не было. Поэтому он быстро остыл во время планирования. И заглох, когда Чкалов попытался изменить режим его работы и прибавил газ.

Заметив, что расчет на посадку оказался неточным. И это было - в-третьих.

Но, как?! Как такой опытный пилот, совершивший тысячи посадок в гораздо более сложных условиях, мог так ошибиться?

Степан много раз имитировал этот последний чкаловский полет, пытаясь понять, что же все-таки произошло. И кажется, понял. На опытном образце И-180 стоял винт изменяемого шага, имевший два фиксированных положения. Малый шаг для взлета и посадки, и большой - для режима максимальной скорости. Этот винт тоже был новинкой. С недоведенным механизмом поворота лопастей. Поэтому пропеллер был зафиксирован на малом шаге. И превратился в мощный воздушный тормоз, когда мотор остановился... Вот почему Валерий не смог дотянуть до взлетно-посадочной полосы.

А дальше опять случайность. Самая трагическая!

Посадка с заглохшим мотором - это, по сути, «штатная» для летчика-испытателя ситуация. Чкалов множество раз совершал такие посадки. И еще одну совершил. И даже машину не сильно поломал. Только шасси снес. И вылетел из открытой кабины.

И отделался бы лишь синяками, не окажись перед ним торчащий из земли рельс...

Летные испытания И-180 были вскоре продолжены.

И завершились успешно. Поэтому еще до окончания государственных испытаний на заводе № 156 была заказана опытная партия из шести самолетов для проведения войсковых испытаний. А в середине ноября их уже пригнали в полк Супруна.

Что же касается бронированного двухместного штурмовика БШ-2, то это была совершенно уникальная машина! Настоящий летающий танк!

Все жизненно важные части самолета (двигатель, кабина экипажа, водяной и масляный радиаторы, масло- и бензобаки) были защищены бронекорпусом из авиационной броневой стали толщиной от пяти до семи миллиметров, а лобовое стекло выполнено из прозрачной брони. Обтекаемые формы бронекорпуса в сочетании с большой скоростью полета существенно повышали защитные свойства броневых листов из-за малых углов встречи пуль и осколков с их поверхностью.

Штурмовик был вооружен пятью ШКАСами (четырьмя крыльевыми и одним турельным), брал до полутонны бомб или шестнадцать реактивных снарядов и развивал скорость четыреста двадцать два километра в час. На высоте.

У земли скорость была ниже – триста шестьдесят два километра в час. Дальность тоже подкачала – всего шестьсот восемнадцать километров. Впрочем, после установки дополнительного бензобака, а также доводки и установки на БШ невысотного мотора АМ-38 (вместо высотного АМ-35) и скорость, и дальность должны были возрасти и достичь необходимого уровня.

История принятия этой машины на вооружение была непростой. Несмотря на то, что идея создания бронированного штурмовика была поддержана на самом верху, принятие решения о его разработке по разным причинам затянулось на год.

Для того чтобы вплотную заняться его проектированием Ильюшин даже отказался от карьеры, которую делал весьма и весьма успешно. И написал заявление с просьбой освободить его от должности начальника Первого Главного управления Наркомата оборонной промышленности и назначить конструктором «летающего танка».

Внешний вид самолета сложился сразу и оказался очень удачным. Были некоторые проблемы с доводкой авиадвигателя АМ-35, но их удалось успешно решить. В апреле этого года

мотор был принят госкомиссией, и в июне месяце самолет поступил, наконец, на государственные испытания.

Которые несколько затянулись из-за неудовлетворительной работы двигателя.

Пришлось увеличить площадь охлаждения водяного радиатора, а масляный перенести под бронекорпус и установить в специальной бронекорзине. Это понизило живучесть, зато мотор перестал, наконец, греться.

Три недели назад БШ-2 был принят на вооружение. Завод № 39 получил заказ на строительство ста самолетов. Но, ясное дело, ни одного изготовить не успел.

Не желая упускать возможность проверить свой штурмовик в бою, Ильюшин рискнул и предложил использовать для войсковых испытаний опытные образцы. Начальник ВВС Красной Армии Смушкевич не возражал. Все три машины перегнали в Пушкин. Заводская бригада, прибывшая вместе с ними, срочно поменяла выработавшие ресурс моторы и подготовила самолеты к вылету. Который сегодня и должен был состояться.

Все летчики специальной эскадрильи имели большой опыт испытательной работы. Потому что еще полгода назад были не строевыми пилотами, а летчиками-испытателями. И служили, кто в НИИ ВВС, кто на авиазаводе.

Командовал эскадрилей Герой Советского Союза капитан Коккинаки, младший брат известного летчика-испытателя и рекордсмена Владимира Коккинаки. Который, кстати, служил в этой же бригаде и командовал Восемьдесят пятым Краснознаменным смешанным авиаполком особого назначения (СПБ).

Первый боевой вылет спецэскадрильи являлся ознакомительным, поэтому ни бомб, ни «эрэсов» штурмовики с собой не брали. Полет по маршруту Пушкин - Левашово - Термолово - Липола - Коскитса - Токсово - Пушкин должен был проходить на высоте полутора тысяч метров. Чтобы не получить случайную пулеметную очередь или зенитный снаряд. От своих, конечно! Потому что финские части к этому времени, скорее всего, уже отойдут вглубь перешейка.

Сопровождать «бэшек», как уже успели окрестить бронированные штурмовики летчики, должна была шестерка «сто восьмидесятых». Группу прикрывали две эскадрильи «ишаков». В задачу которых входило отгонять особо ретивых собратьев из других частей. Которые вполне могли пожечь «чужаков»! Потому что их силуэты были совершенно секретными. А звезды на крыльях можно сгоряча и не разглядеть!

Одна эскадрилья И-16 шла впереди, а вторая, с небольшим превышением, сзади. Полет проходил без приключений. Финской авиации в воздухе не было. А свои, покачав крыльями в знак приветствия и подивившись на незнакомые машины, отваливали в сторону. Без дополнительных напоминаний.

Пройдя Липолу, уже взятую частями девятнадцатого стрелкового корпуса Седьмой армии, группа повернула на восток. Под крылом по немногочисленным дорогам тянулись длинные колонны наступающих войск. А слева на горизонте, в районе Рауту, сверкали всполохи артиллерийского огня...

Командир двадцать четвертой Самаро-Ульяновской Железной Краснознаменной стрелковой дивизии пятидесятого стрелкового корпуса комбриг Вещев двигался на Рауту в колонне триста пятнадцатого отдельного танкового батальона. Впереди шел разведбат и саперы. Потому что единственной опасностью, с которой встретилась его дивизия до сих пор, были минированные завалы и надолбы.

Белофинны отходили, не оказывая сопротивления. Так что стрелковые полки и приданные его дивизии сто одиннадцатый и сто двенадцатый отдельные танковые батальоны тридцать пятой легкотанковой бригады Вещев держал пока во втором эшелоне. А вот артполк тащил за собой, сразу же за танковой колонной.

На южной окраине Рауту его гаубицам придется крепко поработать. Потому что противник превратил ее в мощный узел сопротивления. На пути к Кивиниеми. И мостам через реку Вуоксен-вирта соединяющую озера Вуоксиярви и Сувантоярви.

По данным разведки главная оборонительная полоса на востоке Карельского перешейка проходила по северному берегу этих двух озер и западному берегу реки Тайпаленйоки. Захват упомянутых мостов значительно упрощал задачу прорыва линии Маннергейма на данном участке. Потому что в противном случае пришлось бы форсировать широкую водную преграду под прицельным огнем финских ДОТов. И положить при этом пол дивизии. Если не две трети! В том, что у финнов каждый метр берега был пристрелян, комбриг нисколько не сомневался.

Понятно, что финны без боя мосты не отдадут, а в случае нужды не остановятся перед их подрывом. Поэтому ночью, еще до начала наступления, в район Кивиниеми был десантирован парашютный батальон двести первой отдельной воздушно-десантной бригады имени С.М. Кирова. С целью захвата и предотвращения взрыва мостов. И удержания их до подхода пятидесятого стрелкового корпуса.

Мосты десантники захватили. А теперь отбивали бешеные контратаки егерей и шюцкоровцев. В ожидании, когда на помощь подоспел двадцать четвертая стрелковая дивизия. И танкисты.

Которые еще только собирались атаковать Рауту! А ведь уже далеко за полночь!

Отважных парашютистов Вещеву было жалко. Но летать, как они, по воздуху, ни он, ни его бойцы не умели. Хотя, учитывая насыщенность дорожного полотна минами, это не помешало бы!

А сойти с дороги не давали те же «финны-минны», как их прозвали острые на язык красноармейцы, колючая проволока и лесные завалы. Вперемешку с гранитными валунами, непонятно как оказавшимися среди болот и озер.

Как только он возьмет Рауту, то сразу же организует преследование отступающего противника, подумал комбриг. С тем чтобы к ночи выйти к железнодорожной станции Петярви. А с рассветом продолжить наступление на Кивиниеми. И выручить стоящих насмерть десантников...

Начальник ВВС Ленинградского фронта комкор Птухин еще раз перечитал сводку и поставил внизу размашистую подпись.

В течение тридцатого ноября ВВС фронта, Первой Отдельной Краснознаменной, Тринадцатой и Седьмой армий, ВВС Краснознаменного Балтийского флота, а также Первая и Третья отдельные авиационные армии РКК совершили в общей сложности две тысячи восемьсот шестьдесят боевых вылетов. Из них тысячу семьсот сорок - бомбардировщики. Огнем зенитной артиллерии сбито три ДБ-3, пять СБ и два И-153. Не боевые потери составили девять самолетов (семь СБ и два И-16). В ходе воздушных боев уничтожено два разведчика и десять истребителей противника...

## 4. Ударной силой орудийных башен... Финский залив, конец ноября 1939 г.

...Директиву наркома ВМФ о переводе в боевую готовность номер один штаб Краснознаменного Балтийского флота получил еще двадцать шестого ноября. С этого момента боевое ядро флота находилось в часовой, а остальные корабли - в четырех часовой готовности к выходу в море, подводные лодки и авиация были рассредоточены и готовы к действию, усилена воздушная разведка и дозорная служба...

По сравнению с остальными флотами КБФ по праву считался самым сильным. В его состав входили два линкора, крейсер, два лидера эскадренных миноносцев, одиннадцать эсминцев, четыре канлодки, тринадцать сторожевиков, тридцать тральщиков, тридцать три сторожевых и шестьдесят четыре торпедных катера, три минных заградителя, сорок девять подлодок и четыреста одиннадцать самолетов.

Большая часть кораблей вступила в строй в течение трех последних лет. И в первую очередь - гордость советского судостроения, самый мощный в мире легкий крейсер «Киров»! А также лидеры эскадренных миноносцев «Ленинград» и «Минск», шесть новейших эсминцев типа «Гневный», шесть сторожевых кораблей типа «Ураган» и девять быстроходных тральщиков типа «Фугас». Подводные силы флота пополнились тремя подводными минными заградителями типа «Ленинец», двадцатью четырьмя средними подводными лодками типа «С» и «Щ» и семнадцатью малыми типа «М».

Увы, у этой медали была и другая сторона.

Все эти новейшие корабли имели множество конструктивных и заводских дефектов. Новые образцы вооружения не были освоены личным составом в полной мере. Экипажи не сплаваны. А комсостав не имел необходимого опыта.

И дело было не только в том, что флот количественно вырос и военно-морские учебные заведения не успевали пополнять его специалистами - штурманами, артиллеристами и минерами. В тридцать седьмом - тридцать восьмом годах Ежов и другие враги народа, пробравшиеся в органы государственной безопасности, организовали избиение командного состава РККА и РКВМФ. Новый нарком внутренних дел Берия по личному указанию товарища Сталина разыскал и освободил тех, кто уцелел. Однако все они нуждались в отдыхе и лечении.

В результате кадровой чехарды, поразившей КБФ, большинство недавно назначенных командиров и начальников, начиная с комфлота флагмана второго ранга Трибуца и начштаба флота капитана первого ранга Пантелеева, не соответствовали занимаемым должностям. Трибуц в тридцать седьмом был всего лишь командиром эсминца. А Пантелеев, принявший дела у своего предшественника месяц назад, до этого был врио зампреда Постоянной приемной комиссии при Наркомате ВМФ. Флагарт штаба флота капитан первого ранга Чистосердов и флагштурман капитан второго ранга Иосифов, несмотря на свою молодость (Иосифову недавно стукнуло двадцать девять, а Чистосердову - тридцать четыре), были довольно опытными специалистами. А вот новый начальник ВВС КБФ Герой Советского Союза полковник Ермаченков, при всем к нему уважении, еще два года назад был командиром звена.

Не лучше обстояли дела и в Эскадре, основном боевом соединении флота.

Исключение составлял лишь ее командующий, флагман второго ранга Несвицкий, который еще до революции окончил Морской корпус, прошел и Германскую, и Гражданскую, и был одним из самых опытных моряков советского военно-морского флота. Чего, к сожалению, нельзя было сказать о его подчиненных.

Капитан первого ранга Белоусов вступил в командование линкором «Марат» в марте прошлого года, а до этого семь лет прослужил в штабе флота. После окончания Военного Морского училища имени товарища Фрунзе Белоусов два года ходил младшим штурманом на линейном

корабле «Парижская коммуна» и даже участвовал в легендарном переходе «Парижанки» из Кронштадта в Севастополь в двадцать девятом году. Но на этом его опыт дальних плаваний и корабельной службы заканчивался.

Капитан второго ранга Вдовиченко принял линкор «Октябрьская революция» четыре месяца назад, а перед этим командовал бригадой эсминцев. Но недолго. Как-то так вышло, что из пятнадцати лет службы девять он провел в учебных аудиториях - в училище, на курсах усовершенствования и в академии. Правда, в конце двадцатых Вдовиченко целых полтора года командовал канонеркой, но после этого в качестве командира корабля на мостик уже не поднимался. Летом тридцать седьмого после окончания Военной Морской академии имени товарища Ворошилова его сразу поставили на дивизион, а через полгода перевели на бригаду...

В начале ноября нарком ВМФ Кузнецов вызвал к себе заместителя начальника Главного морского штаба капитана первого ранга Алафузова и поставил ему задачу проверить состояние Краснознаменного Балтийского флота.

Кузнецов хорошо знал Трибуца еще по годам совместной учебы в училище. И насчет уровня его способностей не сомневался. Именно поэтому имел очень большие сомнения по поводу готовности КБФ к войне с Финляндией.

Алафузов Краснознаменный Балтийский флот проверил. И убедился, что нарком беспокоился не зря. Боевая подготовка была на чрезвычайно низком уровне. Штабы соединений не сколочены и как органы боевого управления не отработаны. Корабли способны выполнять лишь одиночные боевые задачи в простых условиях.

Печальнее всего обстояли дела с огневой подготовкой.

Средняя оценка, выведенная за все стрельбы (подготовительные и зачетные), для линкора «Марат» составила три балла, а для «Октябрьской революции» - два и восемь. И то лишь благодаря перестрелке ряда неудовлетворительных стрельб. А крейсер «Киров», вообще, не выполнил ни одной зачетной стрельбы главным калибром. Минно-торпедная часть крейсера, правда, оказалась на высоте. Также как и на линкорах. Однако большой роли это не играло, поскольку вероятность применения торпедного оружия крупными кораблями в условиях Финского залива была очень мала.

Первый и второй дивизионы эскадренных миноносцев (лидеры «Ленинград» и «Минск», эсминцы «Сметливый», «Стерегущий», «Стремительный», «Гневный», «Гордый» и «Грозный») отработали только глубинное бомбометание и постановку параванов. А главным калибром и торпедами пока еще не стреляли. Третий дивизион (старые эсминцы типа «Новик» - «Артем», «Володарский», «Ленин», «Карл Маркс» и «Энгельс») был подготовлен к боевым действиям лучше. «Новики» могли проводить одиночные дневные стрельбы по морским целям и ставить мины.

Готовность остальных соединений надводных сил была примерно такой же. Сторожевики могли нести дозор и осуществлять охранение линкоров, а тральщики проводить траление. При отсутствии противодействия противника.

Боевая подготовка подводных лодок тоже оставляла желать лучшего. Все лодки отработали выполнение разведывательных задач, торпедные атаки по кораблям идущим с охранением, а также артиллерийский бой. Но ни одна не выполнила зачетные стрельбы одиночными торпедами! А о залповой стрельбе даже речь не заходила!

Особенно тревожное положение сложилось в военно-воздушных силах. Две трети экипажей могли действовать только днем в простых метеоусловиях. Ночные и «слепые» полеты большинству пилотов были в диковинку. Количество бомбометаний в уходящем году на одного штурмана составило ноль целых девять десятых раза. Очень высокой оставалась аварийность. Лишь за два последних месяца произошло пять аварий и шесть катастроф с большими человеческими жертвами.

Все эти недочеты, на первый взгляд, имели объективные причины. Во-первых, ограниченность района боевой учебы. Во-вторых, трудности освоения современных образцов техники и вооружения. В-третьих, начавшаяся в сентябре европейская война. Которая сорвала обычный распорядок учений и маневров. С другой стороны, налицо была полная неспособность командования флота организовать эффективную работу штабов и боевую подготовку частей.

В середине ноября Алафузов вернулся в Москву и доложил Кузнецову о неутешительных результатах своей инспекции. Нарком выслушал молча. Он ожидал чего-то подобного. Поэтому и послал Алафузова с проверкой. Но даже не предполагал, что положение окажется таким катастрофическим.

Вопрос о начальнике штаба в связи с малым сроком пребывания в должности ставить было рано. А, вот, командующего надо было снимать прямо сейчас. Как не справившегося. Однако времени на кадровые перестановки уже не осталось. Это, во-первых. А во-вторых, снять комфлота своей властью Кузнецов не мог.

Нарком хорошо знал, что представляет собой Трибуц. И никогда не дал бы согласия на его назначение командующим самым мощным флотом Советского Союза. Более того, не доверил бы ему даже флотилию. Но мнением Кузнецова тогда, в апреле, никто не поинтересовался. Не говоря уже о том, что его собственное назначение и назначение Трибуца состоялось одновременно.

Но главная проблема была в том, что Трибуц имел очень мощную поддержку. В лице члена Главного военного совета ВМФ, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) и члена Политбюро ЦК товарища Жданова. К которому сумел втереться в доверие. И за спиной которого чувствовал себя, как за каменной стеной.

Единственное, что мог предпринять в данной ситуации Кузнецов, это назначить Алафузова замом к Трибуцу. Чтобы присмотреть за флотом. И его командующим. Который, судя по всему, собирался закидать финнов бескозырками.

Недооценка врага - кратчайший путь к поражению!

Это понимал нарком. Это понимал капитан первого ранга Алафузов. Который, как и Кузнецов, воевал в Испании и много чего повидал. Это понимали даже Трибуц с Пантелеевым! Более того, и тот, и другой, постоянно твердили на совещаниях и конференциях о недопустимости недооценки противника.

Вот, только финский флот за противника не считали.

Честно говоря, он и в самом деле был невелик, этот флот. Хотя соединения, входившие в его состав, и носили очень звучные названия.

Флот побережья, самое крупное и боеспособное из них, располагал двумя броненосцами береговой обороны, пятью подлодками, четырьмя канонерками, двумя тральщиками, ледоколом и двадцатью катерами. Морские силы Юго-Западной Финляндии имели в своем составе четыре сторожевика, шесть ледоколов и шесть катеров, а Морские силы Ботнического залива и Морские силы Аландских островов представляли собой лишь небольшие отряды пограничных и сторожевых катеров.

Был, правда, еще флот «Шюцкора», насчитывающий около трехсот шестидесяти катеров (в том числе пятьдесят пушечных). Но это мало что меняло в глазах Трибуца, плевать хотевшего на все эти «флоты» и «морские силы» с высокого мостика дредноута «Марат». И только броненосцы, нагло прохаживаясь на расстоянии орудийного выстрела от Кронштадта, вызывали у комфлота приступы бессильной ярости.

Вот почему их уничтожение было намечено в первую очередь. Хотя никакой реальной опасности для Краснознаменного Балтийского флота они не представляли.

Дело в том, что «Ильмаринен» и «Вайнемаяйнен» создавались исключительно в целях обороны побережья Финского и Ботнического заливов. И ничем иным заниматься не могли по определению. В силу специфических особенностей конструкции.

Водоизмещение броненосцев-близнецов составляло три тысячи девятьсот тонн, максимальная скорость - пятнадцать узлов. Ледокольные обводы корпуса позволяли им легко преодолевать толстый ледяной покров и без посторонней помощи перемещаться по замерзающим на зиму шхерам. Хотя за это пришлось заплатить скоростью.

Вооружение «Ильмаринена» и «Вайнемаяйнена» было вполне достаточным для решения стоящих перед ними задач. Главный калибр - четыре десятидюймовых орудия в двух башнях (вес снаряда - двести двадцать пять килограмм, дальность стрельбы - сто шестьдесят четыре кабельтовых, боекомплект - шестьдесят снарядов на ствол), зенитная артиллерия - восемь ста миллиметровых орудий в четырех башнях. А вот на бронировании финны сэкономили. Броневой пояс имел толщину пятьдесят миллиметров, палуба - двадцать, башни - сто, боевая рубка - сто двадцать пять.

По прикидкам Пантелеева сразу после начала войны весь белофинский «флот» должен был наперегонки рвануть в Швецию. Чтобы интернироваться в нейтральных портах. И его, во что бы то ни стало, нужно было перехватить! И поквитаться с обоими броненосцами еще до того, как они спрячутся в шведских территориальных водах. Поэтому штаб КБФ запланировал проведение совместной операции подводных и военно-воздушных сил флота по разгрому удирающих «морских сил» Финляндии.

Основную роль в пресечении бегства вражеских кораблей и судов должны были сыграть первый минно-торпедный и пятьдесят седьмой бомбардировочный авиаполки восьмой бомбардировочной авиабригады (шестьдесят ДБ-3 и пятьдесят СБ). Прикрытие бомбардировщиков возлагалось на пятый и тринадцатый истребительные авиаполки шестьдесят первой истребительной авиабригады (девяносто пять И-16), а слежение за противником - на двенадцатую, сорок третью и сорок четвертую морские разведывательные эскадрильи десятой смешанной авиабригады (тридцать МБР-2).

Кроме этого, в северной части Балтийского моря предполагалось развернуть подводный минный заградитель «Ленинец» и четыре «Щуки»...

Герой Советского Союза майор Галушка был назначен помощником командира первого минно-торпедного авиаполка в конце сентября. Сдав эскадрилью, из прежнего состава которой уцелел лишь его экипаж, он убыл на Балтику.

До этого над Маркизовой лужей Петру летать еще не приходилось. Впрочем, лужа она и есть лужа! В смысле, маленькая и тесная. По сравнению с Тихим океаном. В смысле, вообще, никакого сравнения! Первое время Финский залив с непривычки даже «жал» ему в плечах. Но, познакомившись поближе с туманами, штормами и другими его причудами, Галушка научился относиться к нему с надлежащим почтением...

Весь ноябрь стояла нелетная погода. То дождь со снегом, то снег с дождем. А на тридцатое метеослужба неожиданно порадовала пилотов хорошим прогнозом. Однако самое удивительное было то, что он оказался точным! Что было всеми без исключения воспринято как доброе предзнаменование.

Секретный пакет с приказом, предписывающим найти и уничтожить броненосцы «Ильмаринен» и «Вайнемаяйнен», был вскрыт вскоре после полуночи. По сигналу «Факел», поступившему из штаба флота.

Рано утром в Лиепае, Палдиски и Кихельконе заревели моторы. Разбежавшись по мелкой балтийской волне, в небо поднялись морские ближние разведчики и приступили к поискам врага. Каждый в своем квадрате.

А пока они уютжили море, более двухсот боевых самолетов стояли на старте с прогретыми двигателями. Но час проходил за часом, а докладов о кораблях противника, следующих в западном направлении, не поступало.

Время приближалось к полудню. Во вражеских штабах, без сомнения, царила жуткая паника и полная неразбериха. И вот-вот должно было начаться повальное бегство. Но почему-то никак не начиналось.

В конце концов, терпение начальника ВВС КБФ Героя Советского Союза полковника Ермаченкова иссякло. Он приказал поднять полки в воздух и перетопить финские посудины прямо у причалов, не дожидаясь пока они выйдут в море!

Местонахождение броненосцев было уже установлено. И тот, и другой, затаились в шхерах у острова Сатавалуото близ Турку. С одной стороны, это упрощало задачу. Потому что в неподвижную цель попасть легче. А с другой, не позволяло использовать торпедоносцы и подводные лодки. Из-за мелководья и большого количества безымянных, заросших соснами скалистых островков. В связи с чем, совместная операция разнородных сил флота превращалась в банальный воздушный налет.

Пока первый минно-торпедный полк, чертыхаясь, на чем свет стоит, снимал торпеды и подвешивал авиабомбы, пятьдесят седьмой бомбардировочный в полном составе ушел на запад. В сопровождении «ишаков» тринадцатого истребительного авиаполка. И только сорок минут спустя в ту же сторону двинулась колонна ДБ.

Когда они проходили над Низино, к ним присоединились четыре эскадрильи пятого истребительного полка. В компании которых всем стало гораздо веселее...

Галушка шел левым ведомым у комполка.

За время советско-японской войны он сделал двадцать боевых вылетов, из них три на торпедометание, пять на бомбардировку и двенадцать на постановку мин. Потопил линкор. В группе, само собой. Потому что одна торпеда линкору, что слону дробина! Чтобы пустить ко дну сорока тысячетонного бронированного монстра, надо было всадить в него не меньше пяти. В один борт. Или таранить прямо с торпедой. Как Пашка. Или Жорка Синяков. Светлая им память.

Петр помотал головой, отгоняя ненужные мысли, и осмотрел приборную доску. Все было в норме. Его взгляд наткнулся на фотографию «Вайнемаяйна», прикрепленную прямо под радиополукомпасом.

Броненосец береговой обороны «Вайнемаяйна», в просторечии Ваня-Маня, по сравнению с самурайскими сверхдредноутами выглядел задохликом. Водоизмещение в десять раз меньше, вооружение в пятнадцать раз слабее, бронирование - чисто символическое, скорость - черепашня. По сути дела, это был каботажный дизель-электрический ледокол. Хотя и тяжелооруженный. И местами даже бронированный.

Но, во-первых, у «ледокола» был экипаж, состоящий из дисциплинированных и отлично натасканных военных моряков. Во-вторых, восемь ста миллиметровых орудий при наличии системы централизованного управления зенитным огнем и тренированных расчетов были весьма серьезным аргументом! А что касается меньшего водоизмещения, то с точки зрения бомбардировщика оно являлось не плюсом, а минусом! Потому что в малоразмерную цель попасть сложнее. Особенно, если эта цель утыкана зенитками и палит в тебя из всех стволов! А ты на боевом курсе! И не имеешь права на противозенитный маневр!

Вдобавок ко всему, Ваня-Маня имел абсолютно симметричный силуэт и специальный камуфляж - намалеванные белой краской буруны на носу и на корме. Из-за которого было очень трудно определить, куда он двигается, вперед или назад.

Хорошо, хоть сегодня броненосец стоит на якоре, и штурману не придется колдовать над прицелом, пытаясь угадать величину упреждения. Шансов попасть с горизонтального полета в такую маленькую цель (длина - девяносто три, а ширина - семнадцать метров) и так было мало.

Согласно расчетам, для уничтожения одного броненосца требовалось семьдесят два ДБ-3 с полной бомбовой нагрузкой. Так что, в принципе утопить Ваню-Маню было можно. Но лишь ударив одновременно обоими полками.

А на этот раз одновременно не вышло, подумал Галушка. Так что, скорее всего, придется лететь снова. И не раз. А много, много, много раз! Потому что у Вани-Мани еще и братец имеется. Иля-Маня.

На траверзе острова Эре комполка покачал крыльями и повернул на север. До цели осталось десять минут лету. Под крылом тянулись шхеры. Бесчисленные серо-буро-зеленые островки и каменистые рифы, окаймленные узкой белой полоской прибоя. В одной из извилистых протоков между ними, где-то здесь, притаились два броненосца. Которые возможно уже взяли советские бомбардировщики на прицел. Потому что ни о какой внезапности речь идти не могла. После налета пятидесяти СБ.

На флагманском самолете распахнулись створки бомболюков. Значит, командир увидел цель! Галушка всмотрелся вперед. Точно! Вот они, родимые! Оба рядом, оба вместе. ДБ вздрогнул, и в кабину из открытых бомболюков дунуло морозным воздухом.

Неожиданно, прямо по курсу, распустилось черное облако разрыва. И еще. И еще! Несколько секунд спустя эти кляксы пестрели уже повсюду. И справа, и слева! Бомбардировщик трясло как на кочках. Зенитки били точно! Даже слишком!

Внезапно справа вспыхнул огненный шар! Самолет Петра швырнуло в сторону. Он стиснул зубы, но удержался в строю.

Погиб экипаж военкома полка. Зенитный снаряд попал прямо в бомбовый отсек. ДБ разлетелся на куски и упал в море.

- На боевом! - прозвучала команда штурмана. - Так держать!

Галушка сосредоточился на приборах, стараясь не обращать внимания на зенитный огонь.

- Сброс! - доложил штурман.

Петр ощутил, как подвсплыл самолет, освободившись от смертоносного груза.

- Есть попадание, товарищ командир! - закричал борт-стрелок. - Бомбы легли очень близко! Попали, точно говорю, попали!

Фотоконтроль покажет, подумал Галушка. Если попали. И скрестил пальцы. Чтобы не сглазить. Потому что попасть очень хотелось. Чтобы отомстить за батальонного комиссара Иванова и его экипаж! И еще за два бомбардировщика со снижением ушедших в сторону берега, разматывая черные дымные хвосты...

Вечером, когда проявили снимки, выяснилось, что одному из броненосцев они действительно угодили фугаской в корму. И серьезно его повредили, а может, даже вывели из строя. А остальные бомбы упали на расстоянии от двадцати до семидесяти метров от бортов.

Впоследствии оба полка еще несколько раз летали на бомбежку броненосцев. И вместе, и порознь. И даже поэскадрильно, когда опять испортилась погода. Потеряв при этом пять самолетов сбитыми и столько же по не боевым причинам. Но добиться попаданий больше не удалось. К счастью, их вскоре перенацелили на уничтожение береговых батарей в районе Хельсинки...

А пока флотская авиация сражалась с броненосцами, линейные корабли и эсминцы воевали с береговыми батареями в районе Виипури.

Приказ командующего эскадрой флагмана второго ранга Несвицкого был предельно ясен. С началом боевых действий третьему дивизиону эскадренных миноносцев произвести предварительное разведывательное траление в районе маневрирования номер один, а также обеспечить охранение линейных кораблей. Линкорам «Марат» и «Октябрьская революция» - держать в молчании батарею Сааренпя на острове Бьорке после ее подавления военно-воздушными силами.

Рано утром тридцатого ноября из Главной базы флота вышли шесть тральщиков и в сопровождении эсминцев «Володарский» и «Энгельс» направились для проведения траления Сейскарского плеса. Однако главной задачей отряда было спровоцировать финнов на открытие огня и тем самым выдать позиции своей береговой батареи.

По данным агентурной разведки эта батарея состояла из шести десятидюймовых морских орудий и располагалась в южной части острова, примерно в километре от берега, в густом лесу на обращенном к морю скате. Все орудия были размещены в отдельных двориках на расстоянии до трехсот метров одно от другого. А командный пункт находился в тылу батареи и представлял собой железобетонную вышку высотой около двадцати метров. Позиции орудий были очень тщательно замаскированы и, несмотря на длительные целенаправленные поиски с воздуха, так и не найдены.

Прибыв в назначенный район, тральщики сразу же приступили к выполнению боевой задачи. А эсминцы, поставив быстроходные параванные охранители, подошли к острову Бьорке на расстояние восьмидесяти кабельтовых и обстреляли предполагаемое место расположения вражеской батареи.

К этому времени, над местом боя уже появился самолет-корректировщик МБР-2, который прикрывала эскадрилья «чаек». Но работы для него пока не было. Потому что финны на огонь эсминцев отвечать не хотели. Ни в какую.

В семь утра на линкоре «Октябрьская революция» под руководством Первого заместителя наркома ВМФ флагмана второго ранга Исакова состоялось совещание комсостава, на котором присутствовал комфлота, а также члены военного совета, начштаба флота, флагманские специалисты, командиры и военкомы кораблей.

Исаков сообщил о начале войны с Финляндией. Впрочем, все об этом уже знали. Трибуц озвучил оперативный план боевых действий КБФ, изложенный в приказе военного совета флота от двадцать третьего ноября. Который и так был хорошо известен всем присутствующим. Выступление члена военного совета флота бригадного комиссара Яковенко было ярким и эмоциональным. Как оно и положено. Затем Пантелеев зачитал приказ штаба флота о проведении операции по поддержке левого фланга двадцать первой стрелковой дивизии Первой Отдельной Краснознаменной армии. Который, вообще-то, был доведен до всех, кому следовало, еще сутки назад. В конце совещания командующий эскадрой Несвицкий поставил боевые задачи каждому кораблю, военком эскадры бригадный комиссар Раскин конкретизировал методы партийно-политической работы, а начальник штаба капитан первого ранга Челпанов раздал командирам пакеты с оперативной информацией о противнике.

После совещания на верхней палубе состоялся торжественный митинг. Первым выступил замнаркома, затем комфлота и члены военного совета. И далее, по списку. Последнее слово осталось за командиром «Октябрьской революции» капитаном второго ранга Вдовиченко. Который просто приказал приготовить корабль к бою.

В девять часов линкоры снялись, наконец, с якоря и покинули Большой Кронштадтский рейд. Кроме них в походе участвовали эсминцы «Артем», «Ленин» и «Карл Маркс», пять сторожевиков, четыре тральщика и шесть морских охотников. Поставив параван-тралы, эскадра построилась в походный ордер и двинулась к цели.

«Октябрьская революция» и «Марат» шли в кабельтове друг от друга. Острые форштевни линейных кораблей резали спокойную гладь залива, оставляя за собой широкий кильватерный след. Корабли эскорта периодически сбрасывали глубинные бомбы, отпугивая подводные лодки. В прозрачном голубом небе кружили истребители. А вдоль горизонта тут и там шныряли морские ближние разведчики.

Стояло прекрасное ноябрьское утро. С северо-востока доносился глухой рокот артиллерийской канонады. К которому вскоре должен был присоединиться раскатистый бас двенадцатидюймовых орудийных башен балтийских дредноутов.

Оба линкора вступили в строй еще в четырнадцатом году. «Марат» сначала назывался «Петропавловском», а «Октябрина» - «Гангутом». После революции они надолго замерли у стенки Адмиралтейского завода. А «Гангуту» довелось даже на дне полежать. В мае девятнадцатого, во время наступления Юденича на Петроград, он был затоплен в устье Невы по приказу Реввоенсовета. Через год его подняли и поставили на прикол. Дальше ржаветь. Рядом с «Петропавловском». Пока товарищ Сталин не приказал их отремонтировать и включить в состав Морских сил Балтийского моря.

В начале тридцатых годов и тот, и другой, прошли радикальную модернизацию. Для повышения мореходности их корпуса были оснащены носовой наделкой с закрытым полубаком. Угольные котлы заменены на нефтяные. Вместо фок-мачты установлены развитые носовые надстройки с отогнутой назад дымовой трубой (чтобы дым не мешал командно-дальномерным постам). А у задних надстроек размещены краны для спуска на воду гидросамолета и катеров.

После всех переделок водоизмещение «Октябрьской революции» составило двадцать шесть тысяч семьсот тонн, максимальная скорость - двадцать два с половиной узла, дальность плавания - две с половиной тысячи миль четырнадцати узловым ходом.

Вооружение осталось прежним - четыре трехорудийные двенадцатидюймовые башни главного калибра (вес снаряда - четыреста семьдесят один килограмм, дальность стрельбы сто двадцать семь кабельтовых, боекомплект - сто выстрелов на ствол), противоминная артиллерия - шестнадцать ста двадцати миллиметровых орудий в казематах, зенитная - шесть трехдюймовок. Кроме этого, имелось четыре абсолютно бесполезных торпедных аппарата, снять которые рука не поднялась.

Бронирование тоже не изменилось. Пояс - двести двадцать пять миллиметров, палуба - семьдесят шесть, скосы - пятьдесят. Боевая рубка имела десятидюймовую броню, башни - восьми, а казематы - шестидюймовую...

В одиннадцать утра по южной оконечности Бьорке отбомбился восемьдесят четвертый бомбардировочный авиаполк особого назначения. Поскольку батарея так и не выдала своего положения, бомбили по площадям. И, скорее всего, безрезультатно. Но, так или иначе, задание выполнили и с чистой совестью ушли домой.

Без десяти двенадцать линейные корабли прибыли в район маневрирования и встали на боевой курс. В сотне кабельтовых от батареи Сааренпя. Без пяти на «Октябрьской революции» и «Марате» зазвенели колокола громкого боя. А ровно в полдень флагман Краснознаменного Балтийского флота дал первый залп. Согревательными снарядами. А потом второй. Уже осколочно-фугасными.

Залп был пристрелочный. Может, и не очень удачный. Но в остров все-таки попал.

И тут финны, наконец, очнулись. И открыли ответный огонь всей батареей. Во всяком случае, самолет-корректировщик засек на берегу шесть вспышек.

Хотя прилетело только три снаряда.

Догадаться было не трудно. Стреляло всего три орудия, а остальные вспышки были ложными. Таким немудреным способом белофинны пытались запутать советских моряков и не дать им обнаружить свои настоящие позиции.

Но это уже не могло их спасти! Потому что у Трибуца, лично возглавившего первый боевой поход своего флота, было целых двадцать четыре двенадцатидюймовых ствола и полный боекомплект в погребах!

Тем временем Вдовиченко установил связь с корректировщиком и перешел к стрельбе на поражение. А за ним и Белоусов. Полутонные снаряды месили остров, вздымая в небо огромные султаны земли, обломки скал и стволы деревьев. Казалось, ничто не может уцелеть под таким огнем. Однако финны продолжали отвечать. Хотя значительно реже. И только двумя орудиями.

Сделав двадцать залпов, линкоры прекратили стрельбу, совершили поворот и легли на обратный курс. А потом возобновили огонь, удерживая батарею на траверзе.

Ответило лишь одно финское орудие. И то не сразу.

Десятидюймовый снаряд упал очень близко. Огромный водяной столб поднялся выше труб и обрушился на палубу «Октябрьской революции».

Но это было уже не важно! Трибуц возбужденно потирал руки. Батарея была практически подавлена. Еще немного и боевая задача будет выполнена!

А Вдовиченко словно самого ледяной водой окатило. Когда он сообразил, что идет бортом к вражеской батарее со скоростью всего двенадцать узлов! Он тут же приказал дать полный ход. Но было уже поздно.

На острове сверкнуло в нескольких местах... А потом прилетело. Шесть снарядов!

Оказывается, финны просто притворялись, что батарея подавлена. А сами, пристрелявшись, ударили из всех орудий.

Раздался ужасный грохот. «Октябрьская революция» содрогнулась от киля до клотика. В боевой рубке все попадали друг на друга...

Рулевой упал вместе со всеми. И на какое-то мгновение корабль оказался не управляемым. И покатился вправо. Что, собственно, и спасло его от новых попаданий.

Люди в рубке понемногу приходили в себя. Исаков тер ушибленное плечо. Трибуц стоял на четвереньках и мотал головой. Несвицкий пытался стереть кровь с разбитого лица. Сильнее всех пострадал флагарт Чистосердов, который сломал руку. Под ногами тут и там скрипело битое стекло. Повсюду валялись листы штурманских карт...

Капитан второго ранга Вдовиченко вскочил раньше всех. И тут же скомандовал право руля. И самый полный! Чтобы как можно быстрее выйти из-под огня.

Вскоре стали поступать доклады командиров боевых частей о повреждениях. Которые были очень тяжелыми. Но, к счастью, не катастрофическими.

В линкор попали два фугасных снаряда.

Один угодил между второй и третьей башнями главного калибра в районе семидесятого шпангоута и взорвался, пробив верхнюю броневую палубу и продольную бронированную переборку. Казематы второго носового плутонга правого борта были разбиты. Шестидюймовая броня барбета второй башни вогнулась внутрь и треснула, а раскаленные осколки влетели в подбашенное отделение. Полузаряды задымились. Сработали пожарные датчики, и пороховой погреб был немедленно затоплен. Вместе со всем личным составом.

Другой снаряд пробил носовую оконечность линкора между десятым и одиннадцатым шпангоутами. Чуть выше ватерлинии. Вода хлынула в образовавшуюся пробоину. Но, затопив шкиперскую и несколько соседних с ней помещений, была остановлена водонепроницаемой переборкой.

Вдовиченко вздохнул...

Это ничего. Это устранимо. Главное - корабль цел!

Потому что все могло закончиться гораздо печальнее. Если бы пороховой погреб не удалось вовремя затопить. Или снаряд взял бы чуть-чуть левее. Или попало бы не два снаряда, а три.

Очухавшись, Трибуц приказал дать отбой операции и возвращаться в Кронштадт.

Повоевали.

Впрочем, это было еще только начало...

## 5. Готовые к бою орудия в ряд... Северная часть Балтийского моря, начало декабря 1939 г.

...После заключения в конце сентября - начале октября этого года Пактов о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими республиками Краснознаменный Балтийский флот получил три новых военно-морских базы (в портах Палдиски, Лиепая и Вентспилс) и две временные якорные стоянки (в портах Рохукюла и Таллин). А также семь гаваней для кораблей и одну для гидроавиации.

И оказался поделенным надвое.

Основная группировка осталась в восточной части Финского залива. В Кронштадте и Ораниенбауме базировалась Эскадра (бригада линкоров и дивизион эсминцев), три дивизиона подводных лодок, дивизион сторожевиков, три дивизиона тральщиков и бригада торпедных катеров, а в Усть-Луге и Пейпии - Отряд особого назначения, предназначенный для десантных операций (восемь транспортов, три сторожевика, двенадцать тральщиков и шестьдесят сторожевых и торпедных катеров).

Другая часть флота - Отряд легких сил (крейсер и два дивизиона эсминцев) и три бригады подводных лодок - была разбросана вдоль побережья Балтийского моря на протяжении пятисот с лишним километров, от Таллина до Лиепай.

Такая схема базирования позволяла ускорить развертывание и повышала доступность театра военных действий. Но в то же время значительно усложняла управление, усугубляя все недостатки штабной работы.

Поэтому приказ комфлота о формировании походного штаба КБФ с дислокацией в Таллине являлся вполне закономерным. Вопрос о том, кому его возглавить, даже не возникал. Кому же еще, кроме замкомфлота Алафузова!

Когда Пантелеев пришел к Трибуцу с этой идеей, тот только головой покачал. И усмехнулся. Ох, и хитер Юрий Александрович! Ну, прямо, Соломон! Надо же, как здорово придумал! Что называется, и волки целы, и овцы сыты. И нарком доволен будет, что его человеку внимание оказали. И Алафузов, который получит широкое поле деятельности. И свободу принятия решений. А главное, убрали «московского гостя» подальше! И вообще! Раз он такой опытный и весь в орденах, вот, пускай свой опыт и применит. В деле. Глядишь, нос и расшибет! А сам не споткнется, можно и подсобить, при случае. Свобода - свободой, а приказ начальника - закон для подчиненного. Как говорится, выполнить и доложить! А что выполнить, Юрий Александрович придумает. Поскольку на такие придумки мастер. Настоящий Соломон!..

Ситуация с кадрами в Отряде легких сил была такой же, как и в Эскадре.

Командир ОЛС капитан первого ранга Птохов плавал не первый год, но в боевых действиях пока не участвовал. Как и его начштаба, капитан второго ранга Нарыков.

Капитан первого ранга Фельдман был назначен командиром крейсера «Киров» еще во время его достройки. Но никакого, даже маломальского, опыта командования кораблем не имел. После окончания военно-морского училища имени товарища Фрунзе Фельдман сначала служил помощником вахтенного начальника на линкоре «Парижская коммуна», потом был артиллеристом на «Октябрьской революции», а затем флагартом бригады линейных кораблей и штаба флота. За годы службы пороху он понюхал изрядно. Но только на учебных стрельбах. А орденом Красной Звезды был награжден за успехи в боевой, политической и технической подготовке.

Единственным настоящим боевым моряком в Отряде легких сил был командир лидера эсминцев «Ленинград» капитан третьего ранга Солоухин, сражавшийся в Испании. То есть был им до последнего времени. Пока в ОЛС не появился еще один обстрелянный командир эсминца. Тоже орденосец. И настоящий боевой моряк!

А на самом деле, речник! Правда, уже бывший...

В конце октября командира Краснознаменного речного монитора «Сун-Ят-Сен» старшего лейтенанта Ревякина вызвали в Москву. Для вручения ордена Ленина, которым он был награжден за прорыв в Харбин. Получив проездные документы и кучу денег (зарплата за три месяца плюс отпускные), Александр сдал свой «линкор» старпому и сел в поезд дальнего следования «Хабаровск-Москва».

Так и не решив, где провести законный отпуск. И всю дорогу ломал голову, куда все-таки податься. Зимой в кителе сильно не покрасуешься! А на шинелях ордена не носили с конца двадцатых годов. Поэтому однозначно на юга! В Сочи, Сухуми или Батуми. Жаль, конечно, что курортный сезон уже окончился. Впрочем, в этих местах одинокие, скучающие красавицы и в зимнее время не переводились.

В любом случае, возвращаться обратно раньше Нового Года Шурка не собирался. Парень он был холостой, свободный и совершенно не женатый. Поэтому, лежа на вагонной полке, в самых ярких красках рисовал в воображении бесчисленные победы над прекрасной половиной человечества, о которых последующие поколения красных военморов будут слагать легенды!

Увы, но все эти эпические подвиги так и не были совершены. Потому что отпуск ему обломали. Очень качественно. Можно даже сказать, красиво. Сначала присвоили внеочередное воинское звание. А потом назначили командиром новейшего эскадренного миноносца «Гордый».

Новоиспеченный капитан третьего ранга Ревякин вздохнул, приложил ладонь к фуражке и ответил «Есть!». И отправился вместо Черного моря на Балтийское. Для дальнейшего прохождения службы.

Но не сразу. А после недельного разнузданного кутежа в московских ресторанах. И нескольких ярких и незабываемых романтических приключений.

Можно было бы еще погулять, конечно. Да, дензнаки иссякли.

В Кронштадте своего эсминца он не застал. В штабе флота ему сообщили, что «Гордый» с октября базируется на Таллин. И посоветовали, не мешкая, явиться на корабль. С любой оказией. Потому что «вот-вот должно начаться».

Что именно должно было «начаться» Александр не понял. Но от одного из сокурсников, служившего в оперативном отделе штаба, узнал, что КБФ, со вчерашнего дня переведенный в готовность «раз», в готовность «два» переводиться уже не будет. В связи с наглыми провокациями финляндской белогвардейщины.

Вот это и называется - с корабля на бал, то есть с бала на корабль, подумал он. Вечером - торжественная пьянка по случаю победы, а поутру - к походу и бою товсь!

Тот же сокурсник подсказал и насчет okazji.

Утром двадцать восьмого в Таллин в сопровождении эсминца «Стерегущий» уходил лидер «Ленинград». С походным штабом флота и заместителем командующего КБФ капитаном первого ранга Алафузовым на борту.

На лидер, ясное дело, соваться было бесполезно - штабные набились под завязку. Как сельди в бочку! А вот на «Стерегущем» можно было где-нибудь приткнуться. Тем более что командовал им, как оказалось, другой Шуркин однокашник - старший лейтенант Моторов. Который обрадовался ему как родному и устроил в собственной каюте. Потому что и на эсминце пассажиров было по самый полубак.

Моторовский миноносец был того же типа, что и ревякинский. Только еще новее. «Гордый» вошел в строй тридцать первого декабря минувшего года, а «Стерегущий» - меньше месяца назад. Поэтому помимо экипажа в тех же, и без того тесных, кубриках жили рабочие и инженеры судостроительного завода имени товарища Жданова. Которые устраняли недоделки, выявленные комиссией в ходе приемки...

«Ленинград» и «Стерегущий» отошли от стенки еще до рассвета.

Александр стоял рядом с Жоркой в ходовой рубке, внимательно наблюдая за его действиями, и мотал на ус все подряд. А потом они спустились вниз. И даже не заметили, как пришли в Таллин. Потому что весь поход провели, осматривая Жоркин корабль. Который тот знал, как свои пять пальцев (поскольку сам его и достраивал после спуска на воду!), и откровенно им гордился.

Полное водоизмещение «Стерегающего» составляло две тысячи двести тонн, дальность плавания - две тысячи семьсот миль экономическим двадцати узловым ходом. Острые обводы полубака, придававшие эсминцу такой хищный вид, снижали его мореходность. Поэтому в шторм он сильно зарывался носом. Зато в спокойную погоду скорость хода превышала тридцать восемь узлов!

Главный калибр (четыре ста тридцати миллиметровых орудия) у него был такой же, как у крейсера «Червона Украина»! Только стволы чуть короче. А снаряды те же - осколочно-фугасные, полубронебойные и дистанционные гранаты по тридцать три с половиной кило (боекомплект - сто пятьдесят выстрелов на ствол, дальность стрельбы - сто тридцать девять кабельтовых)! А самое главное, новейшая система управления огнем - центральный автомат стрельбы в боевом отделении под носовой надстройкой и два четырехметровых дальномера в командно-дальномерном посту!

Ни один зарубежный эсминец не мог похвастаться такой артиллерией! Английские ста двадцати и японские ста двадцати семи миллиметровые снаряды весили в полтора раза меньше. Немецкие были легче на пять килограмм. Французские ста тридцати миллиметровые весили столько же, зато летели всего на восемьдесят пять кабельтовых.

Зенитное вооружение (две трехдюймовки, две сорокапятки и два пулемета) тоже было вполне достаточным. Точнее, было бы таковым. При наличии морских приборов управления зенитным огнем. Которые еще только разрабатывались. На крейсере «Киров» систему МПУ-АЗО уже установили. А на «Стерегающем» предназначенное для нее помещение пока использовали в качестве каюты младшего начсостава.

Помимо артиллерийского вооружения эсминец, как ему и положено, имел два трехтрубных торпедных аппарата. А также брал на верхнюю палубу шестьдесят пять гальваноударных мин образца двадцать шестого года (или девяносто пять образца двенадцатого) и двадцать пять глубинных бомб. Для защиты от мин имелось два комплекта быстроходных параванных охранителей.

Александр ходил вместе с Жоркой по кораблю, задавал вопросы, выслушивал ответы, а сам думал о том, сколько же ему самому потребуется времени, чтобы разобраться во всем этом многообразном хозяйстве! Гораздо более сложном, чем на его старике «Сун-Ят-Сене»...

В Таллин они пришли поздно вечером.

Александр тепло попрощался с товарищем, крепко-накрепко пообещав «дружить домами», и отправился на свой эсминец. Который стоял у соседнего причала...

В ноль часов пятнадцать минут тридцатого ноября, командир Отряда легких сил капитан первого ранга Птохов по сигналу «Факел», полученному из штаба флота, вскрыл секретный пакет с боевым приказом. Который предписывал ОЛС произвести разведывательный поиск в северной части Балтийского моря. И подвергнуть досмотру все обнаруженные суда. В целях конфискации запрещенных товаров в соответствии с нормами международного призового права.

В семь утра эскадренные миноносцы «Сметливый» и «Стремительный» вышли в море. Чтобы нести противолодочное и противовоздушное охранение крейсера «Киров». Который покинул гавань следом за ними.

Все члены экипажей, как один, были готовы сразиться с врагом. И победить! Или умереть. Как «Варяг» и «Кореец». Под гордо развевающимся стеньговым флагом.

Однако первый боевой поход Отряда легких сил прошел спокойно. И почти обыденно. Финский флот трусливо отстаивался в своих шхерах, и выходить драться не хотел. А все досмотренные транспорты оказались эстонскими или германскими и были отпущены с миром. Следовать дальше. В порт назначения.

Тем же вечером из Таллина в Лиепая перебазировалась первая бригада подводных лодок в составе тринадцатого (подлодки С-1, С-2, С-3), шестнадцатого (С-4, С-5, С-6) и двадцать первого (Щ-309, Щ-310, Щ-311) дивизионов. А также плавбаза «Смольный» и спасательное судно «Коммуна». Командир бригады капитан первого ранга Кузнецов лично передал Птохову секретный приказ комфлота, в котором подтверждались прежние задачи Отряда легких сил по дозору. И ставились новые.

Предстояла крупная операция по нарушению вражеского судоходства, предусматривающая прорыв эскадренных миноносцев и подводных лодок под прикрытием морской авиации в Ботнический залив через пролив Южный Кваркен. С целью поиска и уничтожения транспортов противника, артиллерийского обстрела и разрушения портовых сооружений, а также постановки активных минных заграждений на путях движения финских кораблей и судов.

Тридцатого ноября Наркомат иностранных дел СССР довел до сведения всех дипломатических посольств и миссий, находящихся в Москве, что с двенадцати часов первого декабря побережье Финляндии и прилегающие к нему воды от устья реки Торнио в Ботническом заливе до меридиана двадцать четыре градуса восточной долготы в Финском заливе объявлены блокированными. Поэтому, начиная с этого времени, в указанных районах будут топиться все суда всех наций без ограничения!

Прорыв эскадренных миноносцев в Ботнический залив был намечен на второе число. В нем участвовали лидер эсминцев «Ленинград» под брейд-вымпелом замкомфлота капитана первого ранга Алафузова, лидер «Минск» и четыре эскадренных миноносца - «Гневный», «Гордый», «Грозный» и «Стерегущий». Которые должны были выйти из Таллина еще затемно, пройти Южный Кваркен по загодя протраленному быстроходными тральщиками фарватеру, а затем, разделившись на три группы, обстрелять порты Раумо («Гордый»), Пори («Ленинград» и «Стерегущий») и Вааса («Минск», «Гневный» и «Грозный»). После чего выставить мины и произвести поиск в центральной части залива. И перетопить всех, кто под руку подвернется! Не взирая на государственную принадлежность!

Вслед за отрядом Алафузова переход в Ботнический залив должны были осуществить только что перебазировавшиеся в Лиепая подлодки С-1 и С-4. А также отозванный с позиции в районе острова Лемланд подводный минный заградитель Л-1. Как только он пополнит боезапас. Потому что, выполняя приказ штаба флота, «Ленинец» еще двадцать девятого выставил все имевшиеся на борту мины на пути предполагаемого бегства финских броненосцев «Ильмаринен» и «Вайнемайнен».

Воздушное прикрытие прорыва осуществляли морские ближние разведчики десятой смешанной авиабригады. А в качестве отвлекающего маневра комфлота приказал провести силами ОЛС, базирующимися на Лиепая, набеговую операцию в районе полуострова Ганге. Девятидюймовую батарею на острове Руссарэ должны были обстрелять «Киров» и «Стремительный», а шестидюймовую на Утэ - «Сметливый».

Прочитав приказ, Птохов в сердцах обложил в три этажа и комфлота, и его штаб! Вместо того чтобы отправить крейсер с эсминцами в Ботнический залив топить транспорты, их посылают под снаряды крупнокалиберной батареи! Отвлекать непонятно кого непонятно зачем! Изображая из себя мишень!

А финны стрелять умеют! Вон как «Октябрину» отделили!

Однако, приказ - есть приказ. И его надо выполнять. А не рассуждать. Птохов вздохнул и вызвал к себе начальника штаба...

Сначала все шло по плану.

Первого числа шесть быстроходных тральщиков под прикрытием «Сметливого» весь день тралили южные подходы к Аландским островам. Но ни одной мины так и не нашли. И на траверзе острова Эккере повернули назад.

В ноль часов ноль минут второго декабря лидер «Ленинград» снялся с якоря и, оставив за кормой остров Аэгна, взял курс на запад. В кильватере за «Ленинградом» шел «Стерегающий» и весь второй дивизион. В полном составе. Впереди лидер «Минск», а за ним «Гневный», «Грозный» и «Гордый».

Построившись в походный ордер, эсминцы вытянулись в одну линию. Так, что из рубки казалось, будто впереди идет только один корабль. И лишь во время поворота на несколько мгновений стала видна вся колонна.

Капитан третьего ранга Ревякин стоял на мостике своего корабля. Не в силах оторвать взгляда от фантастического зрелища.

Сквозь серые, лохматые облака изредка проглядывала луна. Тяжелые низкие волны серебрились в лунном свете, как расплавленный свинец. Темные силуэты кораблей, ни огонька на борту, беззвучно скользили вперед. словно призраки в ночи. И только клубы густого черного дыма свидетельствовали о том, что внутри этих призраков таится жизнь. Готовая в любую секунду осветить горизонт вспышками артиллерийских залпов...

Пролив Южный Кваркен они прошли уже после наступления рассвета. Оставив по правому борту протраленный вчера фарватер.

Отлично зная уровень боевой подготовки тральных сил КБФ, рисковать Алафузов не стал. И провел свой отряд по шведским территориальным водам. В обход финских минных полей. Которые в проливе наверняка имелись. Во всяком случае, он на месте финнов обязательно накидал бы мин везде, где только можно. И даже там, где нельзя! Поэтому приказал поставить параванные охранители. И усилить наблюдение.

На горизонте некоторое время помаячил шведский миноносец, но на неприятности нарываться не стал. И ушел, проводив советские корабли до выхода из пролива. Министерство иностранных дел Швеции, ясное дело, заявит протест. Сегодня же. Но это было уже не важно. Лиса забралась в курятник! Точнее целых шесть лис!

Замкомфлота дал команду убрать параваны и увеличить ход до тридцати узлов. Поднимая высокие белые буруны, лидеры и эсминцы рванулись к цели.

Время приближалось к полудню.

В Ботническом заливе было еще тихо, а южнее Ганге уже гремели пушки...

Крейсер «Киров» вышел из Лиепаи в два часа ночи. В сопровождении своей обычной свиты - эскадренных миноносцев «Стремительный» и «Сметливый». И взял курс на север. Соблюдая полное радиомолчание и светомаскировку.

В восемь тридцать начштаба ОЛС капитан второго ранга Нарыков довел до командиров кораблей боевую задачу. На траверзе мыса Дагерорт они поставили параван-тралы и разделились. «Сметливый» остался на прежнем курсе, направляясь к острову Утэ, а «Киров» со «Стремительным» повернули на норд-ост, к Руссарэ.

Навстречу неотвратимой судьбе...

Крейсер «Киров» без сомнения являлся воплощением новейших достижений науки и техники, по всем параметрам соответствуя лучшим зарубежным образцам. А кое в чем их даже превосходя. При стандартном водоизмещении в семь тысяч сто семьдесят тонн, он нес девять семидюймовых орудий в трех башнях (вес снаряда девяносто семь с половиной килограмм, дальность стрельбы - двести одиннадцать (!) кабельтовых, боекомплект - сто выстрелов на ствол), имел броневую палубу, борт и траверсы пятидесяти миллиметровой толщины, и развивал скорость в тридцать шесть узлов!

Дальность плавания крейсера (три тысячи семьсот пятьдесят миль экономическим восемнадцатилузловым ходом) вполне соответствовала условиям театра военных действий.

Зенитная артиллерия состояла из шести ста миллиметровых универсальных орудий, шести сорокапятков и четырех крупнокалиберных пулеметов. Минно-торпедное вооружение включало в себя два трехтрубных торпедных аппарата, сто мин образца двадцать шестого года (или сто шестьдесят четыре образца двенадцатого) и девяносто глубинных бомб. Кроме того, на борту имелось два гидросамолета-разведчика КОР-1 и пневматическая катапульта.

В соответствии с советской классификацией «Киров» являлся легким крейсером, хотя западные военно-морские справочники, опираясь на империалистические вашингтонские соглашения, относили его к разряду тяжелых, поскольку он попал в искусственно созданные для них границы (стандартное водоизмещение - до десяти тысяч тонн, главный калибр - от шести до восьми дюймов).

Но это было совершенно не важно, так как СССР с самого начала бойкотировал эти насквозь лживые антисоветские договоренности. И мог строить корабли любого водоизмещения и вооружать их, чем заблагорассудится.

Впрочем, «Киров» получил столь мощную артиллерию не в качестве «нашего ответа Чемберлену», а потому что других орудий просто не было. Ста тридцати миллиметровые, которыми был вооружен легкий крейсер «Червона Украина», подходили для эсминцев, но были слабоваты для крейсеров. Шестидюймовые морские орудия еще не были разработаны. А ста восьмидесяти миллиметровые к этому времени прошли государственные испытания, были приняты на вооружение и даже установлены в одноорудийных башнях на крейсере «Красный Кавказ».

Так или иначе, семидюймовые советские снаряды летели в полтора раза дальше и были вдвое тяжелее шестидюймовых, которыми стреляли зарубежные легкие крейсера. Поэтому «Киров» мог безнаказанно расстреливать их с большой дистанции.

Восьмидюймовые снаряды тяжелых крейсеров пробивали его броню с любого расстояния. Но это не имело особого значения, так как высокая скорость позволяла «Кирову» избежать боя с более сильным противником.

Но только не в этот раз...

Ознакомившись с приказом комфлота, капитан первого ранга Фельдман скрипнул зубами. Но промолчал. Потому что приказы не обсуждаются, а выполняются.

После окончания Артиллерийского класса Специальных курсов комсостава ВМС РККА Фельдман прошел все ступени служебной лестницы от младшего артиллериста линкора до флага гарта штаба флота. И отлично понимал, насколько трудна поставленная перед ними боевая задача.

Во-первых, точного расположения вражеских орудий он не знает. Это в морском бою видно, откуда в тебя летят снаряды. И насколько далеко от цели падают твои собственные. А береговые батареи всегда тщательно замаскированы. Во-вторых, во время морского боя в само орудие попадать не обязательно. Достаточно повредить корабль, на котором оно установлено. А это сделать значительно легче, потому что корабль является более крупным и уязвимым объектом. В-третьих, попав в корабль даже одним снарядом, можно вместе с ним вывести из строя всю его артиллерию. А береговую батарею одним снарядом к молчанию не приведешь. Потому что ее орудия обычно находятся на таком удалении друг от друга, чтобы этого не допустить.

А если к этому добавить неопытность орудийных расчетов «Кирова», даже полному идиоту станет ясно, что шансов нанести врагу сколько-нибудь значимый урон, у него нет! Тогда как у противника шансов утопить крейсер хоть отбавляй!

Капитан первого ранга Птохов прекрасно видел, что творится у Фельдмана на душе. Но выбор у него был невелик. Или выполнение боевого приказа, или военный трибунал! С немедленным приведением в исполнение. Перед строем.

- Приказ командования надо выполнить, Николай Эдуардович! - сказал Птохов, когда они остались наедине. - И батарею обстрелять! Любой ценой!

- Выполним, Борис Павлович, - ответил Фельдман. - Любой ценой, - он вздохнул. - Лишь бы цена слишком высокой не оказалась...

- Под обстрелом находиться запрещаю! - нахмурился Птохов. - В случае обстрела приказываю немедленно выходить из-под огня!

- Есть, немедленно выходить из-под огня, товарищ капитан первого ранга! - заметно повеселел Фельдман.

Ровно в полдень крейсер «Киров» встал на боевой курс и, развернув башни в сторону берега, дал первый залп.

Финская батарея молчала.

«Стремительный» шел рядом. До последнего мгновения. Пока не раздался взрыв...

В тринадцать тридцать эскадренный миноносец «Гордый» вышел в район стрельбы, снизил скорость до четырнадцати узлов, и с дистанции пятьдесят кабельтовых открыл огонь по причалам, крановому хозяйству, складам и прочим портовым сооружениям Раумо.

БЧ-два (артиллерийская боевая часть) эсминца по итогам летнего периода боевой подготовки была оценена на «хорошо», хотя ни одной задачи с применением центрального автомата стрельбы отработать «Гордый» не успел. Ну, и ладно, подумал капитан третьего ранга Ревякин, прямо сейчас и отработаем! В боевых условиях!

Хотя, если честно, условия сегодняшней стрельбы мало, чем отличались от учебных. Поскольку никакого противодействия противник не оказывал.

Сигнальщики старательно шарили биноклями по горизонту, но дымов вражеской эскадры не наблюдалось. За полным отсутствием наличия таковой. Впрочем, они искали не думы. А перископы. Потому что у белофиннов имелось целых пять подводных лодок. И хотя последняя разведсводка настаивала на том, что все они находятся в Финском заливе, сильно полагаться на это не стоило. Кроме того, пустить торпеду в зазевавшийся советский эсминец, не удержавшись от соблазна, могла и белошведская подлодка. Из чувства капиталистической солидарности.

В небе противник тоже не появлялся. Во-первых, из-за погоды, которая понемногу портилась. А во-вторых, из-за отсутствия у белофиннов морской авиации.

И свои не летали. Хотя начальник походного штаба флота вчера во время совещания и обещал надежное воздушное прикрытие. Аж три эскадрильи!

Вскоре после рассвета над отрядом и, правда, покружила одна «эмбэруха». Покачала крыльями, дескать, все в порядке, и улетела. Только ее и видели. И с тех пор ни одного самолета в воздухе замечено не было. Впрочем, никто из-за этого особо не расстраивался. За исключением расчетов зенитных орудий и пулеметов.

Тем временем, главный калибр «Гордого» перешел на беглый огонь, каждые десять секунд посылая в сторону вражеского берега сто тридцать четыре килограмма начиненной взрывчаткой стали.

Стрелять Шурка любил. И с удовольствием наблюдал в бинокль, как его снаряды крушат противника, как взлетают вверх обломки портовых построек, как разгораются пожары и смолистый черный дым пронизывают оранжевые всполохи огня.

Израсходовав двести снарядов и превратив порт в пылающие руины, «Гордый» прекратил огонь. И отправился ставить активное минное заграждение. На подходах к Раумо. В соответствии с логикой.

Вывалив все припасенные для этой цели мины, капитан третьего ранга Ревякин потерял руки и, пока еще не стемнело, приступил к выполнению главной боевой задачи. О которой мечтал всю сознательную жизнь. С того самого момента, как в первый раз прочитал книжку про капитана Блада. К свободной охоте на торговые суда! Как и положено настоящему Черному Пирату Испанских Морей!..

Прогремел оглушительный взрыв! И «Стремительный» окутался клубами пара. Под медленно оседавшим белоснежным столбом воды. И потерял ход. И остановился. И беспомощно закачался на волнах.

Взрывом якорной мины ему оторвало носовую часть по второе орудие главного калибра. По палубам и надстройкам металась люди. А вокруг корабля чернели головы выброшенных взрывной волной за борт краснофлотцев.

Которые исчезали. Одна за другой. В ледяной декабрьской волне. Навсегда...

А с мостика в небо летели ракеты. И бил семафор:

- Командиру отряда! Хода не имею! В корпус поступает вода! Нуждаюсь в помощи!

Но капитан первого ранга Птохов ничего скомандовать не успел. Потому что в эту секунду раздался новый взрыв...

Огромный столб пламени и воды поднялся над полубаком крейсера.

Когда вода схлынула, те, кто уцелели от взрыва, увидели, как оторванная по первую башню носовая оконечность «Кирова» закачалась в нескольких метрах от корабля. Погружаясь в воду. И, перевернувшись вверх форштевнем, быстро затонула.

Нырнув носом, крейсер остановился.

И тогда белофинны начали стрелять...

Во время Гражданской войны Владимир Алафузов был сигнальщиком, в двадцатые годы окончил военное морское училище и штурманский класс спецкурсов комсостава ВМС, в тридцатые - военную морскую академию и курсы командиров миноносцев. Служил старшим штурманом на линкоре «Марат», начальником отдела боевой подготовки штаба флота, старпомом на крейсере «Красный Кавказ». В Испании был советником командира флотилии эскадренных миноносцев. Ходил в торпедные атаки. Участвовал в артиллерийском бою. За мужество и героизм был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Вернувшись на Родину, стал заместителем начальника Главного морского штаба. А потом замкомфлота.

И сделал все, что мог! Чтобы поход удался.

И он удался! Потому что они выполнили боевую задачу! Разгромили финские порты. Забросали минами фарватеры. И потопили десять вражеских транспортов! Снарядами и торпедами. И отучили их плавать по Ботническому заливу! Надолго!

Но, кто же знал... Что все вот так обернется...

- Отозвать «Сметливый»! Немедленно! - приказал Птохов, как только поднялся с палубы после взрыва. - Доложить о повреждениях!

Повреждения были не совместимы с жизнью...

- Оторван нос до броневой траверзной переборки шестьдесят первого шпангоута!

Крейсер был обречен. Осознав происшедшее, командир отряда ушел в свою каюту. Написал прощальное письмо любимой жене. А потом пустил себе пулю в висок...

- Вода внутрь корабля не поступает! - между тем, докладывали на мостик. - Корабль на ровном киле! БЧ-пять без повреждений!

- Задний ход! - приказал капитан первого ранга Фельдман. - Самый малый!

Когда ему доложили о Птохове, он стиснул зубы. И приказал вестовому молчать.

Военком крейсера батальонный комиссар Столяров кивнул, а потом забрал краснофлотца и ушел в нос. Туда, где аварийная партия лихорадочно укрепляла водонепроницаемую переборку. От надежности которой теперь зависела жизнь всех, кто находился на крейсере.

И тут прилетели девятидюймовые финские снаряды...

Получив радиogramму о подрыве «Кирова» и «Стремительного» командир эсминца «Сметливый» капитан второго ранга Кудрявцев приказал прекратить стрельбу. И самым полным, на тридцати восьми узлах, рванулся на восток. Потому что была дорога каждая секунда! Потому что в ледяной балтийской воде никакой спасательный жилет помочь не мог! Если человека не вынуть из нее через три, максимум, четыре минуты...

Минное заграждение на траверзе Руссарэ было выставлено в конце октября.

Обычно экономное финское правительство, на этот раз поддавшись на уговоры военных, и согласилось оплатить поставку новейших германских гальваноударных якорных мин типа «ЕМС» (вес заряда - триста килограмм).

Лишь потому, что они разрабатывались специально под советские быстроходные параванные охранители. «ЕМС» были снабжены насаженной на верхнюю часть минрепа стальной гофрированной трубкой длиной двадцать семь метров. При захвате резаком советского параван-трала трубка, не перерезаясь им, силой трения смещалась вверх, вследствие чего замыкался контакт, соединенный с запальным стаканом. И мина взрывалась. Успев перед этим подтянуться к самому борту...

Когда, полчаса спустя, «Сметливый» подошел к месту боя, «Стремительный», подорвавшись еще на одной мине, уже затонул. Окруженный высокими разрывами вражеских снарядов «Киров» медленно выползал с минного поля. Задним ходом. Потому что у него был оторван нос. «Сметливый» сразу же открыл огонь по вражеской батарее. А потом поставил дымзавесу и на малом ходу подошел к искалеченному флагману, чтобы взять его на буксир.

Один девятидюймовый снаряд к этому времени в крейсер все-таки попал. В районе сто шестьдесят четвертого шпангоута. И вывел из строя четвертое и пятое котельные отделения. И обе батареи зенитной артиллерии. И много чего еще. Но это было уже не важно. Главное, что они шли домой. Несмотря ни на что...

Подводный минный заградитель «Ленинец» завис на перископной глубине. На траверзе Турку.

Капитан-лейтенант Могилевский повернулся к своему военному:

- Комиссар, ты только посмотри, как финны тут суетятся! Чисто тараканы на камбузе!

- Точно! - усмехнулся политрук Калавугин, заглянув в перископ.

- А мы им баночку! Из пяти мин! - принял у него трубу Могилевский. - Чтобы не скучали! - сложил он рукоятки и приказал. - Опустить перископ! К минной постановке! Товсь!..

Выставив четыре банки в шхерах на самых оживленных маршрутах движения вражеских транспортов, Могилевский ушел в Ботнический залив. И занял позицию на подходах к порту Раумо. Подводная лодка С-1 капитан-лейтенанта Трипольского, вошедшая в залив, как только его покинул отряд Алафузова, должна была оперировать на подходах к Вааса, а С-4 капитан-лейтенанта Абросимова - близ Пори.

Расчет был прост. Узнав об уходе эсминцев, попрятавшиеся с перепугу белофинские и белошведские суда, опять выйдут в море. При этом кто-то из них обязательно подорвется на одной из пяти сотен мин, выставленных советскими кораблями. И никто не заметит, что парочка-другая транспортов вместо мины получила торпеду в борт. А под занавес, когда торпеды закончатся, можно всплыть и пострелять из пушек. И снова нагнать страху на буржуев. Чтобы им повсюду большевистские подлодки мерещились...

Вечером третьего декабря оваянная славой и пороховым дымом отряд капитана первого ранга Алафузова ошвартовался в Таллине. Под звуки оркестра...

Которому впору было играть не встречный марш, а траурный. Потому что за сутки до этого в точке с координатами пятьдесят девять градусов сорок минут северной широты двадцать четыре градуса десять минут восточной долготы, в нескольких милях от острова Найссаар, затонул крейсер «Киров».

Сорвался с буксира во время жестокого шторма. И ушел на дно. Со всем экипажем. Доблестно. Как и положено русским морякам...

Эскадренный миноносец «Сметливый» в Таллин привел старпом. Потому что командир корабля капитан второго ранга Кудрявцев после гибели «Кирова», происшедшей у него прямо на глазах, не выдержал. Заперся в каюте и застрелился...

## **6. И с неба, и с моря, и с суши...**

### **Ленинградский фронт, начало декабря 1939 г.**

...Хорошая погода на Карельском перешейке продержалась недолго. К полудню второго декабря все небо снова обложило тучами. И без того короткий, зимний день, едва забрезжив, превратился в сумерки. И окончился, по сути, так и не начавшись.

А потом пошел снег. И поднялся ветер. Становясь с каждым часом все сильнее и сильнее. Так что, к вечеру, на берегу разыгралась нешуточная выюга, а в море - десятибалльный шторм...

В течение вчерашнего дня, далеко опередив основные силы, разведбат двадцать первой Пермской Краснознаменной стрелковой дивизии при поддержке танков обошел позиции белофиннов у станции Ино. Тем самым, принудив их оставить окопы без единого выстрела. А потом, двигаясь вдоль железнодорожного пути, также практически без боя (короткая перестрелка с малочисленным финским заслоном не в счет), занял станции Местерьярви и Яппила. И вышел на подступы к Наурисьярви.

Натолкнувшись на сосредоточенный пулеметный и артиллерийский огонь, капитан Угрюмов приказал своим бойцам отойти. Во-первых, потому что уже давно стояла ночь. Во-вторых, потому что танкисты опять отстали. В ожидании разминирования. А в-третьих, потому что, преследуя бегущего во все лопатки противника, разведчики одолели за день тридцать километров! Местами по колено в снегу. Местами по колено в воде. И вымотались до последней степени!

К утру подтянулся танковый батальон. Боевых потерь у Жолудева не было. Однако два танка пришлось тащить на буксире. По техническим причинам. Выслушав р-раскатистые комментарии комбата, зампотех и невезучие экипажи принялись лихорадочно приводить матчасть в боевую готовность. Не дожидаясь мастерских...

В семь утра, великодушно предоставив танкистам три часа на обслуживание техники и отдых, Угрюмов пустил в темное, предрассветное небо красную ракету.

Взревели моторы и три десятка «двадцать шестерок» и «тридцать восьмерок», включив боевые фары и открыв огонь из пушек и пулеметов, ринулись в атаку на вражеские позиции. С пехотой на броне.

Без артиллерийской подготовки. Потому что дивизионные артполки тащились где-то далеко позади. И без авиационной. А откуда ее взять? В такую-то погоду!

Поэтому станцию удалось отбить только к вечеру. С большими потерями. В смысле относительно большими. Потому что до этого их почти не было. Угрюмовцы потеряли пятнадцать человек убитыми и ранеными. Жолудевцы - десять. И пять танков. Два из которых восстановлению не подлежали.

Сорвать злость на белофиннах не удалось. Выполнив свою задачу и задержав советское наступление насколько возможно, они воспользовались разгулявшейся непогодой, и отошли в направлении Муурилы. И вынесли с собой всех раненых и убитых. Которых, по оценке капитана Угрюмова, было не менее тридцати. О чем он и сообщил в своем донесении комдиву.

И получил категорический приказ немедленно организовать преследование врага и на его плечах ворваться в Муурилу!..

Угрюмов достал карту. По прямой до Муурилы было около десяти километров. Не так уж и много. По хорошей погоде. И хорошей дороге.

Однако погода подкачала. Это раз! А дорога, скорее всего, заминирована и перекрыта завалами и надолбами. Это два! А, кроме того, по имеющимся данным, здесь находился мощный укрепленный район, относящийся к главной оборонительной полосе линии Маннергейма. Энное количество деревоземляных и минимум семь железобетонных долговременных огневых точек!

Расположение которых установлено лишь приблизительно. А система огня неизвестна. И это три!

С другой стороны, непогода - это хорошо! Непогода - лучший друг разведчика!

С противотанковыми и противопехотными препятствиями саперы разберутся. Поднаторели уже за эти дни! Мины разминируют, завалы растащат, надолбы подорвут!

А вот, что делать с ДОТами? Даже если, воспользовавшись темнотой и непогодой, ему удастся просочиться мимо них, это мало чем поможет. Потому что они ему не по зубам! И останутся целехоньки. Ночью он войдет в Муурилу во главе своего батальона и поднимет над сельской управой (или что там у них) красный флаг. А поутру их всех окружают и уничтожат! На глазах у дивизии, которая заляжет в поле перед ДОТами.

Так что «врываться на плечах» он никуда не станет!

Однако приказ получен, и его надо выполнять! Поэтому он, без промедления, выдвинет в направлении Муурилу одну роту. При поддержке десяти танков. С задачей войти в соприкосновение с противником и разведать его силы. Вторую роту оставит в Наурисьярви. С задачей удерживать ее до подхода дивизии. А с остальными, при поддержке пятнадцати танков, отправится вслед за первой. В шесть утра. С тем, чтобы к рассвету выйти к поселку Карьялайнен. И если позволит обстановка, двинется далее к Муурилу. А если обстановка этого не позволит, займет оборону вдоль дороги Лаутаранта - Карьялайнен - Куолемаярви.

И приступит к разведке долговременной оборонительной линии противника. Что, собственно, и является его основной задачей. А штурмовать эту самую линию является задачей отдельного инженерного батальона особого назначения. Имеющего для этого все необходимые силы и средства. И обученный личный состав...

Колонна поднятого по тревоге двадцать первого ОтИБОНа вышла из Белоострова в пять утра первого декабря. В голове колонны, расталкивая с дороги, двигавшиеся в сторону фронта тыловые части, на радионном броневом автомобиле БА-10М ехал начальник особого отдела дивизии младший лейтенант госбезопасности Дубовой. А следом за ним взвод охраны на двух грузовиках. Поэтому шли без задержек.

Один только раз, под Куоккала, какой-то дивинтендант, два ромба в петлицах, высунулся из вставшей посреди дороги «эмки» и вякнул что-то насчет субординации, не разглядев в темноте цвет околыша на фуражке у Дубового. Но сразу смолк, когда тот ткнул ему в нос нарукавный знак начсостава ГУГБ НКВД СССР.

«Эмку» безжалостно спихнули на обочину. А дивинтендант так и стоял с ней рядом, пока мимо него, чадя выхлопными газами и швыряясь грязью, не прошла колонна ОтИБОНа. И молился, чтобы младший лейтенант с бесцветными глазами забыл и о его неосторожных словах, и о нем самом. Как можно быстрее...

А колонна была не маленькая. Разведывательная и саперная роты на грузовиках, три мотострелковых роты на бронетранспортерах БТП, рота тяжелых танков Т-28, рота огнеметных танков ОТ-130, штабные броневые автомобили, автомастерские, зарядная станция, бензозаправщики и бензоцистерны, артиллерийские тягачи «Ворошиловец» с восьмидюймовыми гаубицами на прицепе, санитарные автомобили, грузовики с имуществом, тракторы и мотоциклы...

Командир отдельной разведроты двадцать первого ОтИБОНа старший лейтенант Алексей Кондратьев был доволен. Спецкурс по уничтожению финских ДОТов и ДЗОТов его разведчикам преподавал сам начальник Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА полковник Старинов! Который всего полгода тому назад и Алексея натаскивал. Перед Маньчжурской операцией.

Он тогда был еще совсем зеленым лейтенантом. И много чего о себе воображал. Потому что имел несколько спортивных разрядов и сделал три прыжка с парашютом! И только, попав

в состав разведывательно-штурмовой спецгруппы, понял, что на самом деле ничего не умеет. Спасибо полковнику Старининову! Научил!

За Маньчжурию Кондратьев получил орден Красного Знамени и досрочное воинское звание. Был назначен начальником штаба батальона. Но как только узнал о формировании ОтИ-БОНа, тут же подал рапорт с просьбой о переводе. Комбат не возражал. Он и сам такой же рапорт написал. Да, только его не пустили. Впрочем, судя по всему, войны хватит на всех. И мало никому не покажется...

Старший лейтенант Кондратьев давно уже не был тем восторженным мальчишкой, который мечтал убежать в Испанию. Чтобы сражаться с фашистами. А потом вернуться домой с боевым орденом, и пройтись по улице. Чтобы соседские ребята плелись за ним следом и завидовали! Все как один! А соседские девчонки стояли в сторонке и смотрели влюбленными глазами! Все как одна!

Алексей улыбнулся. Это было всего три года назад! А теперь у него и орден, и три кубаря в петлицах, и сотня вооруженных до зубов и прекрасно экипированных бойцов!

На складе они получили теплые десантные комбинезоны из верблюжьей шерсти с водоотталкивающей пропиткой и двухсторонней окраской. С одной стороны белые (для зимы), а с другой - коричневые (для лета). Кроме комбинезонов, которые, кстати, считались совершенно секретными, им выдали теплое белье, свитеры, а вместо сапог – лыжные ботинки и шерстяные носки. А также вязаные подшлемники и стальные шлемы нового типа. Без гребешка и широких «буденновских» полей, которые по мысли легендарного маршала должны были защищать красноармейцев от удара шашкой. А на самом деле только мешали во время атаки. Из-за повышенной парусности.

Свои винтовки и штыки они сдали на склад. Алексей предполагал, что их вооружат самозарядными винтовками, которые он изучал еще в училище. Но вместо СВТ им выдали автоматы...

По сравнению с новейшей самозарядной винтовкой Токарева автоматическая винтовка Федорова образца шестнадцатого года, в просторечии «автомат Федорова», имела ряд несомненных преимуществ.

Так, при одинаковом весе со снаряженным магазином и примкнутым штыком (четыре с половиной килограмма), автомат был короче СВТ на двадцать сантиметров, емкость магазина составляла двадцать пять патронов (Токаревский магазин вмещал только десять), а дальность стрельбы с прицелом образца двадцать первого года - две тысячи сто метров (прицельная дальность СВТ - тысяча пятьсот). Кроме того, в отличие от СВТ-38, из автомата можно было вести не только одиночный, но и непрерывный огонь. Скорострельность Федоровского автомата достигала ста выстрелов в минуту, причем на средних и ближних дистанциях он обладал большей точностью и кучностью, чем знаменитая мосинская трехлинейка!

Царское правительство не смогло оценить по достоинству изобретение великого русского оружейника, а советская власть немедленно организовала его серийное производство. Не взирая на Гражданскую войну и повсеместную разруху.

Автоматы состояли на вооружении РККА до конца двадцатых годов. После чего по особому приказу были сданы на хранение в «надлежащей смазке и с надлежащим количеством патронов». Из-за отсутствия на складах этих самых патронов.

Потому что единственным недостатком автомата Федорова было то, что разрабатывался он под японские патроны «Арисака» калибра шесть с половиной миллиметров, которые в годы Германской войны в больших количествах поставлялись в Россию из Англии.

После победы пролетарской революции эти поставки, ясное дело, были прекращены. Поэтому, когда запасы патронов подошли к концу, автоматы пришлось законсервировать. До лучших времен.

Которые настали только этой осенью. После разгрома самураев в Маньчжурии и Китае. Когда в качестве военных трофеев было захвачено огромное количество патронов «Арисака».

Помимо меньшего веса, позволившего Федорову увеличить вместимость магазина, «Арисака» обладал еще одним важным качеством. Попадая в тело человека, японская пуля разворачивалась внутри него. Тяжелое ранение или верная смерть, как правило, были гарантированы.

Когда командарм первого ранга Конев приступил к формированию отдельных инженерных батальонов особого назначения, он затребовал со складов автоматы Федорова. Чтобы вооружить ими разведроты ОтИБОНов вместо положенных им по штату трехлинейек. Отлично понимая, что разведчикам в ходе ночных поисков с целью уничтожения вражеских деревоземляных огневых точек, придется сталкиваться с противником лицом к лицу. В скоротечных схватках, когда дорога каждая секунда. И скорострельность, по сути, решает все!

Благодаря личному вмешательству командарма, и автоматы, и патроны были доставлены вовремя. И успешно освоены личным составом в ходе учебных занятий...

К утру четвертого декабря части двадцать первой Пермской Краснознаменной стрелковой дивизии вышли к главной оборонительной полосе линии Маннергейма в районе укрепленного узла «Инкяля». И оказались в зоне достижимости шестидюймовой финской береговой батареи Хумалиоки.

Комбриг Ксенофонтов сразу запросил поддержки у вышестоящего командования. Которая была ему немедленно оказана.

Во-первых, по расположению батареи и всему укрепрайону в целом был нанесен мощный бомбовый удар, в котором участвовало две с лишним сотни бомбардировщиков восемнадцатой скоростной бомбардировочной авиабригады Первой Отдельной Краснознаменной армии и шестнадцатой скоростной бомбардировочной авиабригады Тринадцатой армии. Впрочем, СБ опять бомбили по площадям. И даже если белофинны и понесли какой-нибудь урон, то ничем этого не проявили.

Во-вторых, в распоряжение Ксенофонтова был передан двести седьмой корпусный тяжелый артиллерийский полк. Который прибыл поздним вечером и немедленно приступил к оборудованию огневых позиций и наблюдательных пунктов. Чтобы с рассветом начать обстрел вражеского оборонительного узла.

А в-третьих, в этот же день по приказу командующего Ленинградским фронтом по Инкяля и Хумалиоки нанес артиллерийский удар Краснознаменный Балтийский флот. Силами четырех канонерских лодок: «Красное Знамя», «Красная Горка», «Кронштадт» и «Сестрорецк».

Единственной канлодкой специальной постройки из них являлась «Красное Знамя». Остальные были вооруженными грунтовыми шаландами Балттехфлота Спецгидростроя НКВД. Впрочем, у них имелось одиннадцать пятидюймовых орудий на четверых. И это была серьезная сила! Если принять во внимание, что мореходные канонерские лодки изначально предназначались для содействия приморскому флангу сухопутных войск и контрбатареинной борьбы, в связи, с чем имели соответствующее артиллерийское вооружение и адекватное бронирование, а самое главное, в ходе боевой подготовки готовились к выполнению именно этих боевых задач.

Проплавав сорок пять лет и пройдя несколько капитальных ремонтов, последний из которых завершился всего полгода назад, канонерская лодка «Красное Знамя» была одним из самых мощных артиллерийских кораблей КБФ, и при полутора тысячах тонн водоизмещения несла пять ста тридцати миллиметровых орудий (как и лидеры эсминцев), уступая в вооружении лишь линкорам и крейсеру «Киров». А бронирована была гораздо лучше, чем финские броненосцы (бортовой пояс - сто двадцать пять миллиметров, носовой траверс - восемьдесят, палуба - тридцать восемь)!

Учитывая, что «Октябрина» стояла в доке, залечивая раны, полученные тридцатого ноября, крейсер «Киров» со всем экипажем лежал на дне Финского залива, а лидеры только что вернулись в Таллин из боевого похода, у нового комфлота флагмана второго ранга Левченко выбор был невелик.

Рисковать последним линейным кораблем он не имел права. Отзывать лидеры из Западной части Финского залива тоже. После гибели «Кирова» и «Стремительного», серьезно ослабившей Отряд легких сил и заметно подорвавшей престиж Краснознаменного Балтийского флота, белофинские броненосцы в любой момент могли вылезти из своих шхер. И наделать в заливе много бед.

Посылать под огонь береговых батарей «Новики», как это сделал Трибуц, было чревато новыми потерями. Потому что, в отличие от линкоров и канонерок, эсминцы вообще никакой брони не имели, и попадание даже одного десятидюймового снаряда могло стать для них фатальным. И закончиться катастрофой. Для Левченко. В смысле, арестом. И трибуналом.

Как это случилось с прежним командованием КБФ.

Начштаба флота капитан первого ранга Пантелеев был арестован в ночь со второго на третье декабря. По личному указанию комиссара госбезопасности первого ранга Берия. Сразу после того, как Нарком обороны СССР товарищ Сталин узнал о трагической гибели крейсера «Киров».

Начальник особого отдела НКВД КБФ майор госбезопасности Лебедев провел первый допрос Пантелеева еще до его отправки в Москву. По горячим следам. С применением необходимых мер убеждения. Ввиду серьезности сложившейся ситуации.

Бывший начштаба не стал заперяться и сразу же дал признательные показания. В том, что в тридцатом году, будучи помощником начальника отдела боевой подготовки штаба Морских сил Черного моря, был завербован в контрреволюционную террористическую организацию тогдашним начштаба МСЧМ, ныне разоблаченным врагом народа, флагманом первого ранга Душеновым. Осознав свою вину перед партией, Пантелеев подписал полное признание. И назвал фамилии всех остальных участников флотского военно-фашистского заговора.

Собрав документы штаба КБФ на операцию, и получив копию бортового журнала и рапорт старпома эскадренного миноносца «Сметливый», доставленные из Таллина в Ленинград по воздуху на морском ближнем разведчике, флагман первого ранга Исаков немедленно вылетел в Москву. Для доклада Главному военному совету о происшедшем.

Вместе с ним в Москву, тем же самолетом, был доставлен флагман второго ранга Трибуц, отстраненный от занимаемой должности и направленный в распоряжение наркома ВМФ. Пока еще только отстраненный. До выяснения степени его виновности...

Предательский, троцкистский удар в спину не поколебал уверенности советских военных моряков в победе. И они доказали это в бою!

Прибыв в район стрельбы, канонерки связались со штабом двадцать первой дивизии, высадили на берег корректировочные посты и, ровно в полдень, открыли огонь по белофинским долговременным укреплениям.

Балтийцы стреляли точно. Тяжелые морские снаряды взрывались прямо в расположении белофиннов. Которые не выдержали и открыли ответную стрельбу.

«Красное Знамя» немедленно перенесла огонь на позиции финской береговой батареи. А остальные, не взирая на поднимающиеся тут и там белоснежные водяные столбы, продолжили обстрел Кюренниemi и Инкяля.

Весь день в небе над Хумалиоки кружила пара МБР. На которые никто не обращал внимания. Потому что над заливом постоянно летали самолеты. И морские, и армейские. И истребители, и бомбардировщики. И разведчики...

У пилотов и штурманов пятнадцатого морского разведывательного авиаполка КБФ за три месяца накопился к финнам длинный счет. За десятки безрезультатных полетов. И бесконечные выволочки от вышестоящего командования за безрезультатность.

На этот раз результат имелся. Орудийные позиции были, наконец, засечены!

Когда невысокое зимнее солнце склонилось к горизонту, канлодки прекратили стрельбу и ушли в Кронштадт. Получив благодарственную радиограмму от командира двадцать первой стрелковой дивизии. Потому что, хотя и не смогли уничтожить финскую батарею, так или иначе, отвлекли ее огонь на себя. А еще разбили два ДОТа. Или, по крайней мере, серьезно их повредили. Потому что комбриг Ксенофонтов своими глазами видел несколько прямых попаданий.

А вот финским артиллеристам попасть по советским кораблям так и не удалось.

И больше уже не удастся! Потому что на следующее утро, воспользовавшись улучшением погоды, по батарее Хумалийоки нанесли удар двадцать пикирующих бомбардировщиков ДБ-3 и СБ-бис восемьдесят четвертого бомбардировочного авиаполка Героя Советского Союза полковника Байдукова. И разнесли ее вдребезги. А батарею Сааренпя разметали пикировщики И-16 восемьдесят пятого Краснознаменного смешанного авиаполка Героя Советского Союза полковника Коккинаки.

Но это было на следующее утро.

А ночью боевое крещение принял двадцать первый ОтиБОН.

Угрюмовцы время зря не теряли и, войдя в соприкосновение с противником, несколькими ударами прощупали его оборону. Двумя ротами на флангах укрепсектора: на севере - по железной дороге в направлении Хумалийоки, а на юге - вдоль берега Финского залива на Муурилла. А основными силами при поддержке двадцати пяти танков - на центральном участке в направлении Инкяля. По шоссе, проходящему между болот. Эту демонстративную атаку финны приняли за попытку прорыва. И постарались отбить всеми имеющимися средствами. Что от них и требовалось.

Поэтому, когда командир двадцать первого отдельного инженерного батальона особого назначения майор Литвиненко с командирами рот прибыл на НП капитана Угрюмова, схема расположения финских ДОТов и их огневого взаимодействия у него уже имелась. Впрочем, атаковал Угрюмов не вслепую. А опираясь на информацию, предоставленную разведотделом штаба фронта. Которую, само собой, надо было уточнить. Что он и проделал. Днем - разведкой боем. А ночью - с помощью разведгрупп.

Двадцать первый узел обороны в системе главной оборонительной полосы линии Маннергейма «Инкяля» имел протяженность около восьми километров и состоял из семи железобетонных ДОТов фланкирующего огня: двух на южном берегу озера Куолемяярви, трех в центре укрепсектора, и еще двух на берегу Финского залива.

Сделанные из бетона повышенной прочности и густо насыщенные гибкой стальной арматурой, стены и потолки финских долговременных огневых точек достигали толщины полутора метров, а пулеметные амбразуры вдобавок к этому были прикрыты шестидюймовыми бронеплитами размером два на три метра. Широкие боковые стенки защищали амбразуры от фронтального огня, а напольные (обращенные в сторону наступающего противника) закрывала широкая насыпь из огромных гранитных валунов. Что значительно повышало их устойчивость к артиллерийскому огню. И отлично маскировало. Построенные в начале тридцатых годов, и без того выглядевшие со стороны как обычные невысокие холмы, ДОТы успели за это время зарастить сосняком, и были практически неразличимы на фоне окружающего ландшафта.

Пока не открывали огонь.

Кроме боевых казематов все ДОТы имели подземные, обогреваемые казармы, вмещавшие до взвода пехоты, занимающего оборону в траншеях и деревоземляных огневых точках. Которые тоже были крепким орешком для артиллеристов. Во-первых, потому что имели

потолки в четыре наката бревен, два слоя камней и земляной обсыпки. А во-вторых, потому что были настоящими «невидимками».

Укрытые снегом, заросшие деревьями и кустарником, ДЗОТы едва возвышались над горизонтом и имели такие глубокие амбразуры, что ствол пулемета едва доходил до их середины. Поэтому вспышки выстрелов были практически не видны, а звук заглушался и искажался. Что сильно затрудняло их обнаружение.

Впрочем, после нескольких авиабомбардировок и артобстрела с моря маскировка большинства огневых точек была нарушена. А некоторые из них и вовсе разбиты...

В первый день наступления по укрепულзу «Инкяля» отработали два полка дальних бомбардировщиков Третьей отдельной авиационной армии РКГ Героя Советского Союза Польшина. А также несколько полков скоростных бомбардировщиков армейской и фронтовой авиации. Которые тридцатого ноября сделали по два вылета. И потом навещали финнов регулярно. Правда, уже в меньшем количестве. Из-за ухудшения погоды. Потому что армейская и фронтовая авиация в сложных метеоусловиях летать не умела. Даже днем. Поэтому последние дни позиции и тылы противника бомбили в основном польнинцы. Которые в сложных метеоусловиях летать умели. Даже ночью.

Увы, и те, и другие бомбили по площадям. Хотя и понимали, что это не очень эффективно. Поэтому бомб не жалели. И далеко не все из них попали в болото. Досталось и противопехотным, и противотанковым заграждениям. Были попадания и в траншеи, и в ДЗОТы. Случайные, конечно. То есть вполне закономерные. В смысле, в полном соответствии с законами математической статистики. Что при таком количестве сброшенных бомб было не удивительно.

Однако ударом с воздуха или с моря линия Маннергейма уничтожена быть не могла. Только ударом с суши. И комбриг Ксенофонов отлично это понимал. Собственно, как и командарм первого ранга Конев, который и позаботился о том, чтобы у командиров передовых дивизий было чем нанести этот удар.

Отдельные инженерные батальоны особого назначения...

Майор Литвиненко опустил бинокль.

Рвать оборонительную полосу придется здесь. Потому что именно здесь ключ ко всему укрепрайону. Поэтому дорога на Инкяля так укреплена. Потому что именно через это межозерное дефиле открывается путь на Койвисто и Юханнес. И далее на Виипури.

Три ДОТа, семь ДЗОТов. Плюс стрелковые и пулеметные ячейки. На обоих флангах - болота. По фронту - надолбы и колючка в десять рядов. И минные поля...

С деревоземляными огневыми точками разберутся разведчики. Этой ночью. С долговременными - артиллеристы. Завтра днем. А потом саперы и танкисты. Под вечер. Траншеями и ячейками займутся огнеметчики и мотострелки на БТП. Одновременно с саперами. А затем в прорыв пойдет дивизия.

Литвиненко подозвал к себе командира разведроты старшего лейтенанта Кондратьева и махнул рукой в сторону поредевших батальонов девяносто четвертого стрелкового полка, медленно откатывающихся назад после очередной атаки. Под прикрытием танков и полковой артиллерии.

- Видишь?

- Вижу, товарищ капитан.

- Смотри, как следует, старшой! Для тебя концерт с оркестром ребята устраивали! Как стемнеет, сам пойдешь! И чтобы завтра к утру в округе ни одного ДЗОТа целого не осталось! Мне сюрпризы не нужны! Как закончите, саперов брошу вперед. Будем рвать эту сволочь! Не подведите, разведчики!

- Не подведем, товарищ капитан! Все норы проведем! Выкурим гадов!

- Добре! Иди, готовь своих орлов!..

Семь деревоземляных огневых точек - семь групп. В принципе, хватило бы и трех, подумал Алексей. Ночи в декабре длинные. Так что каждая группа могла бы уничтожить и по два объекта. И даже по три. Но лучше не рисковать. Чтобы уж точно, без сюрпризов! А, кроме того, у него в роте восемнадцать групп. Как раз по одной на все выявленные ДЗОТы (включая те, что на флангах), плюс резерв. И все рвутся в бой! А бой будет первым. Поэтому, для первого раза, каждой группе хватит и по одной точке.

Кондратьев вернулся в роту и приказал посыльным собрать командиров боевых групп. Которые вместе с угрюмовцами весь день пролежали в снегу с биноклями, наблюдая за полем боя, слушая их комментарии и пометая все увиденное в планшетах.

Боевая группа состояла из двух троек.

Первая оставалась на подходах к ДЗОТу. Имея при себе, помимо автоматов, ручной пулемет. И прикрывала вторую, ударную, которая уничтожала сам объект. Гранатами РГД и бутылками с зажигательной смесью (тротил и бензин с дегтем).

Технология этой процедуры была отработана до автоматизма. Один боец оставался у входной двери. На подстраховке. Чтобы уложить любого, кто попытается выбежать наружу. А двое других заползали на крышу. И для начала бросали в печную трубу ручную гранату. В качестве гостинца от Деда Мороза. Для финнов, у печки греющихся. А потом бутылку с горючкой туда же. И еще одну гранату вдогонку. После чего один вставлял в трубу, приготовленную заранее деревянную пробку. А второй двумя ударами приклада загонял ее поглубже. Взрывные газы, ясное дело, выбивали чоп обратно. Но при этом создавали в трубе своеобразный газовый затвор. И вся горючка из взорвавшейся бутылки оставалась внутри, заливая ДЗОТ пламенем.

На полигоне ДЗОТы выгорали полностью. За считанные минуты. И обрушивались. Ясное дело, никого в живых после такой «сауны» внутри остаться уже не могло.

Засечь подрыв снаружи было невозможно. Амбразуры у финнов были очень глубокие, а дверь выходила в извилистую траншею. Так что пламени видно не было. Искры из трубы, конечно, летели. Но на передовой все время огоньки летают туда-сюда. В смысле, трассеры. А звуки взрывов глушил мощный накат самого ДЗОТа. А также оружейный и пулеметный огонь...

Кондратьев поставил каждой группе конкретную боевую задачу, уточнил время начала операции и приказал сверить часы. А еще - повязать на правый рукав скрученную в жгут темную тряпку. Чтобы не перепутать в темноте своих с финнами. Которые тоже будут в белых масках.

Тем временем, уже совсем стемнело.

Старший лейтенант посмотрел на своих бойцов:

- Ну, что ж, пора «русским медведям» навеститься в гости к «финским волкам»! - он усмехнулся. - И попотчевать их «огненной водой»!

Политрук Яснев улыбнулся, поддержав шутку командира, а потом посерьезнел:

- От выполнения поставленной перед нами боевой задачи зависит успех завтрашнего наступления, товарищи! Помните, завтра - День Сталинской Конституции! Не посраим высокое звание воина Красной Армии в этот великий день! Ударим по зарвавшейся финской белогвардейщине из всех сил! За Сталина! За ВКП(б)! В бой!..

Командир сто первого отдельного гаубичного артиллерийского дивизиона Резерва Главного Командования капитан Петров лично выбрал позиции для стрельбы прямой наводкой для каждого своего орудия. Осмотревшись и прикинув, что и как, прямо на месте. Где ползком, где перебежками. А потом вызвал командиров батарей, взводов и орудий и показал каждому, где должна стоять его гаубица завтра утром. Чтобы ровно в восемь открыть огонь по финским ДОТам.

Помкомвзвода Леонтьев вздохнул и почесал затылок. Поскольку его расчету достался самый твердый орешек. ДОТ номер три. Трех казематный, защищенный шестидюймовой бро-

ней двухуровневый капонир с подземной казармой. Если судить по разведанным, с которыми их познакомил командир дивизиона. Потому что снаружи ДОТ выглядел как обыкновенный заснеженный бугор.

Полковая и дивизионная артиллерия слегка по нему уже прошла. Но никакого ощутимого ущерба нанести не смогла. Посшибала сосны да снег разбросала. И все. А корпусный тяжелый артполк еще не прибыл. Говорят, будет к ночи. Если к утру ребята установят орудия, то это будет хорошо. Потому что завтра ему потребуется поддержка. Потому что как только он начнет стрелять прямой наводкой, по нему тут же начнет гвоздить финская артиллерия. Прямой наводкой.

В сумерках помкомвзвода привел расчет на место, выставил справа и слева по пулеметчику, а вместе с остальными принялся за работу.

До финнов было очень близко. Менее пятисот метров. Однако вокруг шла такая плотная орудийная и пулеметная пальба, что в этой кутерьме звон вонзающихся в промерзшую землю ломов, киркомотыг и лопат совершенно затерялся. А когда «Ворошиловец» потащил через поле орудие, стрельба еще более усилилась. Как это и было уговорено со штабом дивизии.

И, слава Богу! Потому что снег был очень глубокий и трактор все время буксовал. А потом вообще заехал в сугроб и остановился. Так что пришлось снова брать лопаты и рыть дорогу до самой огневой позиции.

Так или иначе, к утру, их восьмидюймовая красавица была, наконец, установлена. Сошники вбиты до отказа. Выбран основной и запасной ориентиры, определена дистанция и выставлен прицел. Ящики открыты. Снаряды и заряды приготовлены.

А ровно в восемь прозвучал первый выстрел...

На рассвете десять «двадцать восьмерок» отдельной танковой роты двадцать первого ОтИБОНа замерли на исходном рубеже у Портанпяя. В трех прицепленных к танкам бронесанях лежали ящики с взрывчаткой. В остальных устроились саперы. В ожидании сигнала к атаке. Рота огнеметных танков и три десятка бронетранспортеров с мотострелками стояли рядом. Чтобы ринуться в бой вслед за своими товарищами.

В этот момент в соприкосновении с противником находились только роты девяносто четвертого стрелкового полка.

Отдельный танковый батальон, разведбат, сто шестнадцатый и триста двадцать шестой стрелковые полки двадцать первой стрелковой дивизии в течение ночи были сосредоточены в районе Карьялайнен. Чтобы ударить и развить успех, когда будет прорвана главная оборонительная полоса.

Вокруг все грохотало. То завывая, то шелестя, над головами красноармейцев, командиров и политработников пролетали тяжелые снаряды. Орудия семьдесят восьмого артиллерийского, сто девятого гаубичного и двести седьмого корпусного тяжелого артиллерийских полков били с закрытых позиций по финским заграждениям, траншеям и пулеметным ячейкам. А крупнокалиберные гаубицы сто первого отдельного гаубичного артиллерийского дивизиона РКК, еще ночью выдвинутые далеко вперед, долбили вражеские долговременные огневые точки прямой наводкой.

Все ДЗОТы, прикрывающие подступы к ДОТам, были подорваны этой ночью боевыми группами отдельной разведроты ОтИБОНа. Практически без потерь. Если не считать нескольких раненых...

В одиннадцать ноль-ноль в каждом подразделении, прямо на рубеже атаки, был проведен торжественный митинг, посвященный второй годовщине принятия Великой Сталинской Конституции. А потом полевые кухни привезли праздничный обед.

В полдень в сторону Бьорке и Хумалиоки прошли эскадрильи краснозвездных скоростных и тяжелых бомбардировщиков...

И тут в небо взвилась красная ракета.

**Вперед! За Сталина! За ВКП(б)! Ур-ра!**

## **7. Для побед одной отваги мало... Ленинградский фронт, начало декабря 1939 г.**

...Третьего декабря Народное Правительство Финляндии «сформированное в городе Терийоки представителями левых партий и восставших солдат финской армии» предложило Советскому Союзу заключить Договор о дружбе и взаимопомощи. Который был подписан в тот же день. В Москве. Председателем Совета Народных Комиссаров наркомом иностранных дел СССР товарищем Молотовым и Председателем Народного Правительства министром иностранных дел Финляндской Демократической Республики товарищем Куусиненом.

Высокие договаривающиеся стороны были старыми товарищами. И прекрасно знали друг друга. И даже жили в одном доме. На набережной Москва-реки.

Основатель Коммунистической партии Финляндии Отто Куусинен долгие годы являлся секретарем Исполкома Коминтерна и членом ЦК ВКП(б), неуклонно проводя генеральную линию партии в международном коммунистическом и рабочем движении. Не взирая ни на какие колебания этой самой линии.

Остальные члены Народного Правительства (заместитель председателя и министр финансов товарищ Розенберг, министр земледелия товарищ Эйкия, министр просвещения товарищ Лехтинен и министр по делам Карелии товарищ Прокконен) также были ответственными работниками Коминтерна - кузницы кадров для компартий и народных правительств всей планеты. Министром внутренних дел был назначен старый чекист Тууре Лехен, а министром обороны и командующим Финской Народной Армией - комдив Антила...

Народное Правительство Финляндии сочло возможным пойти навстречу предложениям Советского Союза и согласилось на перенос границы на Карельском перешейке до линии Виролахти - Иматра - Раутъярви и далее до Хаттуваара. А также отказалось от Петсамо (с прилегающим к нему районом) на побережье Баренцева моря и нескольких совершенно не нужных ФДР островков в Финском и Выборгском заливах (острова Суурсаари, Лавенсаари, Сейскари, Бьорке, Тиуринсаари и другие). За вдвое большую территорию в Карелии. И триста миллионов финских марок.

Кроме этого, СССР получил разрешение на размещение военно-морской базы на полуострове Ганге, взятом в аренду на девяносто девять лет. Взамен пообещав помочь молодой народной демократии оружием, боевой техникой и снаряжением. А также военными специалистами. В необходимом количестве.

Прежнее финское правительство, очнувшись от шока, попыталось урегулировать отношения с Советским Союзом через шведского посланника Винтера. Однако товарищ Молотов холодно заявил непрошенному визитеру, что СССР никакого другого финского правительства, кроме Народного, не признаёт. И никакой войны с Финляндией не ведет. А даже наоборот. Заключил с ней Договор о дружбе и взаимопомощи. И подписал протокол о взаимной безопасности. В соответствии с которым оказывает помощь вооруженным силам Финляндской Демократической Республики. В наведении порядка.

Только теперь обанкротившееся финское руководство сообразило, наконец, какую совершило ошибку, прервав в середине ноября переговоры с Советским Союзом.

Покидая Москву, министр иностранных дел Финляндии Эркко нагло заявил, что у него «есть более важные дела». Какие, интересно, могут быть более важные дела у министра иностранных дел, чем разгорающийся конфликт с великим соседом? Который имеет вооруженную до зубов армию. Только что разгромившую чрезвычайно опасного противника на Востоке. И весьма заносчивого, хотя и не столь опасного, на Западе.

Мощный удар Красной Армии отрезвляюще подействовал на зарвавшихся политиканов. А высокопарные заверения западных держав в поддержке, которые всю осень взахлеб цитировали финские газеты, оказались пустыми словами.

Англия и Франция выразили искреннее возмущение в связи с нападением большевиков на нейтральную страну. И объявили о готовности сформировать и отправить в Финляндию экспедиционный корпус. Если Швеция и Норвегия пропустят его через свою территорию. Германия тоже сочувствовала финнам. Но нарушать из-за них заключенные с таким трудом военно-политические и торговые соглашения с Советским Союзом не собиралась. Италия обещала увеличить поставки оружия. Но на это требовалось время. Североамериканские Соединенные Штаты по-прежнему придерживались изоляционистской позиции, и вмешиваться в европейские склоки не торопились, ограничившись призывом к «моральному эмбарго» (!) на торговлю с СССР.

Даже ближайшие соседи Финляндии - Швеция и Норвегия - предали ее. Стойко сохраняя нейтралитет, и наотрез отказавшись предоставить свои порты и железные дороги для переброски английских и французских частей в Финляндию. Из опасения стать следующей жертвой Сталина.

Или Чемберлена. Или Даладье.

А Литва, Латвия и Эстония, заключившие этой осенью Пакты о взаимопомощи с Советским Союзом и предоставившие ему свою территорию и акваторию для размещения частей и соединений Красной Армии и кораблей Краснознаменного Балтийского флота, фактически стали его союзниками.

Президент Финляндской Республики Кюёсти Каллио (теперь уже бывший президент бывшей республики) в отчаянии обратился в Совет Лиги Наций с жалобой на агрессивные действия Советского Союза.

Четвертого декабря СССР получил соответствующий запрос и приглашение на заседание Совета и Ассамблеи Лиги Наций.

Председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Молотов в категорической форме отверг вмешательство Лиги и официально заявил, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финскому народу». А потом добавил, что участвовать в каких-либо заседаниях по этому надуманному вопросу считает излишним, и посоветовал Лиге Наций заняться прекращением войны между Германией и англо-французским блоком, а не разжигать войну на северо-востоке Европы...

Сразу после вступления в силу Пакта о взаимопомощи на территорию Эстонии был введен шестьдесят пятый особый стрелковый корпус (шестнадцатая стрелковая дивизия, восемнадцатая легкотанковая бригада, тридцать восьмой истребительный и сорок четвертый скоростной бомбардировочный авиаполк), на территорию Латвии - второй особый стрелковый корпус аналогичного состава, а на территорию Литвы - шестнадцатый. К середине ноября общая численность ограниченного контингента советских войск в Прибалтике достигла шестидесяти семи тысяч человек, тысячи шестисот орудий, тысячи танков, ста пятидесяти броневозов и пятисот двадцати самолетов. Кроме того, в порты Лиепая, Вентспилс, Рохукюла, Палдиски и Таллин перебазировались надводные корабли, подводные лодки и гидроавиация Краснознаменного Балтийского флота.

В конце ноября в Эстонию на аэродром Хаапсалу был перебросен сорок второй дальнебомбардировочный авиаполк (шестьдесят один бомбардировщик ДБ-3), который вместе с передислоцированными ранее тридцать восьмым истребительным (шестьдесят три истребителя И-16П) и сорок четвертым скоростным бомбардировочным (шестьдесят один бомбардировщик СБ) авиационными полками вошел в состав Особой авиабригады, сформированной в соответствии с приказом Начальника ВВС Красной Армии командарма второго ранга Смушкевича.

Командарм прекрасно понимал все преимущества размещения бомбардировщиков на южном побережье Финского залива. Во-первых, близость вражеской территории (менее ста километров). Во-вторых, безопасность базирования (поскольку Эстония в войне не участвует). В-третьих, развитая инфраструктура (бетонные взлетные полосы, просторные ангары, сеть подъездных путей и отличные дороги). Поэтому и настоял на переброске в Хаапсалу еще одного полка.

Эстонское правительство промолчало.

А что ему еще оставалось? Подписав Пакт о взаимопомощи, Президент Эстонии Пятс просто выиграл время. Для тех своих сограждан, которые захотят эмигрировать. Никаких иллюзий насчет сохранения независимости у него не было. Оказавшись между Вермахтом и РККА, как между молотом и наковальней, войско польское (кстати, гораздо более сильное, чем эстонское) было разгромлено менее чем за две недели. Так что говорить было не о чем. Надо было срочно переводить капиталы в Швейцарию. Или Швецию. А лучше - в Америку. И уезжать. Туда же. Пока это еще возможно...

Командиром Особой авиабригады был назначен один из любимцев Смушкевича, самый прославленный летчик страны, начальник отдела истребительной авиации Летной инспекции РККА дважды Герой Советского Союза полковник Кравченко. Который немедленно вылетел в Хаапсалу. Забрав с собой всех своих инспекторов. За исключением Героя Советского Союза майора Смирнова, который остался на хозяйстве, в Москве. Донельзя расстроенный. И давший себе слово любыми средствами добиться скорейшего откомандирования на фронт.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.